Отдѣлъ XXXII № 981

LA MORALE POLITIQUE EN RUSSIE.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ ВЪ РОССІИ.

НАПИСАЛЪ

ВЛАДИСЛАВЪ КАРОВСКІЙ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

Типографія І. Отто. — Изданіе автора.

„Пров 38“

„Пров 49“

2 экз
К

ЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1072
27

I

Катковъ и его біографъ.

Послѣ заключенія франко-русскаго брака надлежало сѣверному великану разоблачить передъ неопытной и несвѣдущей супругой самыя завѣтныя тайны своей души. Отличнымъ средствомъ къ этой цѣли было ознакомленіе ея съ духомъ того, который далъ вѣковымъ стремленіямъ великана самое сильное выраженіе и сталъ для стомиліоннаго государства тѣмъ, чѣмъ для Польши Косцюшко и Мицкевичъ: святыней, образомъ души, факеломъ освящающимъ историческія стремленія.

Задачу эту взялъ на себя г. Григорій Львовъ, поставившій себѣ цѣлью въ книгѣ своей о Катковѣ (Michel Katkoff et son époque. Paris 1897) осѣнить молодой союзъ двухъ народовъ благочестивою мыслью объ обожаемомъ нынѣ офиціальною Россіею публицистѣ и мыслителѣ. Но онъ несъумѣлъ приступить къ своей задачѣ съ благоговѣніемъ, подобающимъ тому государственному патріотизму, который въ пантеонѣ русскихъ боговъ недавно, поставилъ памятникъ Муравьеву. Характеристическую черту этюда г. Львова составляетъ прежде всего желаніе похвастаться отличнымъ знаніемъ всѣхъ тонкостей французскаго языка и всестороннею начитанностью въ различныхъ отрасляхъ политиче-

скихъ наукъ и литературы, — апологія же Каткова и его идеи отступаетъ передъ этимъ на второй планъ. Авторъ старается поразить читателя изысканностью выраженій, лексикальнымъ богатствомъ своего слога; напр. представители самыхъ молодыхъ направленіи во Франціи „fignolent la synthèse symboliste, instrumentale, disparate, diluée et soufflée“; — пишутъ они слогомъ: décadent, tordu, deliquescent, avec des verbes irisés, diaprés, emaillés...“ Герценъ, по мнѣнію автора, въ погонѣ за краснымъ словцомъ портилъ будтобы въ сочиненіяхъ своихъ послѣдовательность и силу мысли — par ses boutades, ses fantaisies, ses préciosités, ses lubies, ses momeries, ses simagrées et ses gabs, ses bons mots et sa finesse d'ésprit...“ и пр. Желая же выказать свою начитанность, авторъ въ предлинной главѣ (стр. 83 – 119) старается доказать вещь по своей очевидности не нуждающуюся вовсе въ доказательствахъ, а именно: что политическія условія вліяютъ часто на писателей и что философы и поэты превращаются, благодаря имъ, въ публицистовъ. Съ этою цѣлью онъ разбираетъ весьма пространно взгляды разныхъ мыслителей, относящіеся къ этому вопросу; онъ начинаетъ съ писателя начала текущаго столѣтія Карла де Ремюза, переходитъ затѣмъ къ Ренану и Боклю, къ Монтегю, Низару и Брюнэтіеру — и все это только для того, чтобы закончить длинной вереницей писателей, бросившихъ науку и искуства ради публицистики. Послѣднимъ въ этомъ ряду, по мнѣнію автора, былъ Катковъ, »этотъ методическій професоръ и сантиментальный писатель,« (?) который, благодаря событіямъ 1863 года, занялъ въ русской журналистикѣ такое мѣсто, котораго не занималъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ публицистовъ. — Не менѣе очевиденъ повседневный фактъ протеста личности противъ

всевластья государства; но г. Львовъ, желая при этомъ случаѣ пощеголять знаніемъ исторіи и философіи права, прибѣгаетъ къ помощи Платона и Аристотеля, къ исторіи грековъ и римлянъ, китайцевъ и евреевъ — на конецъ даетъ намъ историческій очеркъ философскихъ направленій нашего столѣтія, приходя въ заключеніи къ слишкомъ очевидному результату, что русскій нигилизмъ былъ также однимъ изъ проявленій протеста личности противъ государства и что онъ находился въ связи съ развитіемъ европейской философіи. Но въ чемъ именно состояла эта связь, этого авторъ не съумѣлъ объяснить.

Что касается отношенія автора къ предмету его труда, то онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія обыкновеннаго русскаго бюрократа, точнѣе же выражаясь, бюрократа изъ министерства иностранныхъ дѣлъ: т. е. много здраваго смысла, но поразительный недостатокъ нравственнаго чутья и нравственныхъ принциновъ. У чиновника »дѣятеля«, подвизающагося на окраинахъ или въ петербургскихъ кузницахъ »болѣе тѣснаго соединенія окраинъ съ остальными частями государства«, здравый смыслъ бываетъ обыкновенно помраченъ весьма распространенною среди русскихъ, унаслѣдованною отъ монгольскихъ наѣздниковъ страстью разорять и разрушать. Авторъ самъ при всемъ своемъ патріотизмѣ видитъ въ этой страсти или наклонности общерусскую черту. »Извѣстно,« — говоритъ онъ — »что народъ въ Россіи повинуется всякому приказанію; достаточно первому встрѣчному крикнуть: бей его — и сейчасъ же бросается бить и сѣчь, на право и на лѣво, всякаго, кто попадется подъ руки« (стр. 303). Чиновникъ дипломатъ съ кругозоромъ расширеннымъ знакомствомъ съ Европой чуждъ этой страсти; онъ успѣлъ развить въ себѣ до нѣкоторой степени эстетическое чувство и усвоилъ не только

въ своихъ дѣяніяхъ, но и въ разсужденіяхъ болѣе или менѣе изящныя формы, но души его не тронуло облагораживающее дуновеніе какъ христіянскихъ, такъ и гуманистическихъ идеаловъ; Богомъ для него, святыней, нравственнымъ началомъ будетъ все таки государство. Это можетъ потвердить каждый, кому приходилось вращаться хоть сколько нибудь въ чиновнической средѣ. — Еще будучи въ университетѣ, я сблизился съ двумя молодыми русскими, принадлежавшими къ извѣстной семьѣ дипломатовъ. Мы видались ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Оба они намѣревались посвятить себя дипломатической карьерѣ. Старшій былъ одаренъ удивительнымъ пониманіемъ красоты, любилъ природу и поэзію, боготворилъ Гётэ и Шиллера, Жуковскаго и Пушкина. Началомъ и основаніемъ нашей дружбы было пламенное обожаніе романтической поэзіи, а особенно идеаловъ Шиллера находившихся въ полномъ противорѣчіи съ распущенной жизнью окружавшаго насъ студенчества. Идеалистическія стремленія сочетались въ душѣ моего друга съ психологическимъ чутьемъ. Человѣчество и людей любилъ онъ не менѣе чѣмъ природу и искуства, онъ понималъ разнородность характеровъ и умѣлъ сочувствовать всякому единичному горю. Все таки государство было его религіей, и будучи послѣдователемъ этой религіи, этотъ поклонникъ Шиллера не зналъ ни искушеній, ни отклоненій: человѣчество и люди, прогресъ и общее благо должны были отойти въ сторону, какъ ложные боги если они, по его мнѣнію, могли въ чемъ нибудь грозить непосредственной, ощутительной пользѣ государства! Не удивительно, что съ окончаніемъ университета окончились юношескія мечты; государственность отодвинула на послѣдній планъ поэзію, исканіе истины и нравственныя стремленія юноши, польскій же вопросъ выкопалъ между

нами непроходимую пропасть Младшій братъ отличался болѣе отвлеченнымъ умомъ; погруженный въ себя и склонный къ мистицизму, онъ искалъ высшей религіозной истины какъ необходимаго базиса къ великимъ жертвамъ о которыхъ онъ мечталъ и которыхъ окончательной цѣлью было „mourir pour le tsar“. (Самые ярые патріоты изъ русскихъ дипломатовъ говорятъ между собою по французски.) — Не смотря на это легче было придти къ какому нибудь соглашенію по польскому вопросу съ этимъ юношей мечтавшимъ о смерти за царя и не умѣвшимъ понять, почему поляки »бунтуютъ« — чѣмъ съ его старшимъ братомъ, психологомъ, поэтомъ и моралистомъ. Оба они принадлежали къ лучшимъ представителямъ русской бюрократической среды.

Изъ книги г. Львова не видно, чтобы онъ мечталъ о какой нибудь жертвѣ, даже ради царя, не видно даже, чтобы какой нибудь нравственно-поэтическій идеалъ оставилъ слѣды въ его сердцѣ; тѣмъ легче ему покончить съ польскимъ вопросомъ. Для этого достаточно вспомнить слѣдующія слова высказанныя въ палатѣ депутатовъ однимъ изъ французскихъ политиковъ: »ни одинъ народъ не имѣетъ права жаловаться на то, что его побѣдили — это случается всегда по его винѣ.« — Въ чемъ же состояла вина Польши? — »Въ то время« — отвѣчаетъ авторъ — »когда французы провозглашали права человѣка, поляки провозглашали права шляхтича « — Мы не знаемъ чему удивляться болѣе въ этомъ отвѣтѣ: незнанію, или нахальству. — Послѣдующія же слова еще болѣе удивительны: »настоящіе польскіе патріоты, — Потоцкіе, Радзивиллы, Браницкіе — были слишкомъ слабы, чтобы послать на эшафотъ измѣнника Станислава Понятовскаго.« Что это? Развѣ это та бюрократическая этика, которая находитъ, что добро есть то, когда

я граблю моего сосѣда, зло же, когда онъ меня грабятъ, что слѣдовательно король былъ измѣнникомъ когда подписывалъ конституцію 3 Мая, хорошими же патріотами были измѣнники, тарговичане, потому что, благодаря имъ, Польша была ограблена и раздѣлена; — или же это только безстыдное нахальство человѣка, который ничего не зная и знать не желая, соображаетъ однако то, что его французскіе читатели тоже ничего не знаютъ, и что слѣдовательно онъ можетъ говорить имъ все что взбредетъ въ голову, не опасаясь съ ихъ стороны контроля. Послѣднее, по моему мнѣнію болѣе правдоподобно, доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что въ другомъ мѣстѣ какъ главные измѣнники названы слѣдующія лица: „Malakowski, Jewouski et Xania-Branicki“ (sic). — Мы опять спрашиваемъ: кто, по мнѣнію автора, былъ измѣнникомъ: творцы конституціи 3 Мая, или зачинщики тарговицкой конфедераціи?

Такое смѣшеніе фактовъ и личностей, такая болтовня объ одномъ изъ самыхъ знаменательныхъ фактовъ въ исторіи, особенно же въ исторіи Россіи, прекрасно характеризуетъ беззаботность русскаго человѣка. Прусакъ, даже самый подлый, даже Трейчке или другой профессоръ »гакатистъ« счелъ бы своей обязанностью въ такомъ случаѣ вникнуть въ суть дѣла и выдвинуть длинный рядъ фактовъ, довольствуясь ихъ ложнымъ освѣщеніемъ, соотвѣтствующимъ его намѣренію. Г. Львовъ не находитъ нужнымъ причинять себѣ столько труда. Къ чему? Вѣдь Польша пала и не встанетъ. Не проще ли покончить съ нею сразу, провозгласивъ похвальный гимнъ въ честь Каткова, который вліяніемъ своего могучаго слова больше другихъ способствовалъ уничтоженію опаснаго для Россіи народа и этимъ заслужилъ вѣчную благодарность не только своихъ

соотечественниковъ, но и нынѣшнихъ союзниковъ? Такъ и дѣлаетъ г. Львовъ. Однако справедливость требуетъ замѣтить, что извѣстная доля такта, какъ продуктъ хорошаго воспитанія, а также пребываніе въ болѣе благородной атмосферѣ, если не западно-европейской политики, то нѣкоторыхъ западно-европейскихъ идей, уволила его отъ бѣшенной ярости свойственной его товарищамъ-чиновникамъ. Отъ времени до времени мы встрѣчаемъ мимолетныя замѣчанія, подъ которыми не подписался бы теперь послѣ виленскихъ оргій, никто изъ столбовъ русскаго правительства, напр. »Мы оплакиваемъ излишнюю и напрасную свирѣпость дикаго Муравьева.«

Современное одичаніе политическихъ нравовъ таково, что слѣдуетъ считать заслугой даже самое мягкое порицаніе злодѣяній, отъ которыхъ должно содрогаться человѣческое сердце.

Польша, по мнѣнію г. Львова и вообще русскихъ, пала окончательно и не въ состояніи воскреснуть. Поэтому всякое затрогиваніе польскаго вопроса считается напрасною потерею времени. Остается только слѣдовать дальше въ указанномъ Катковымъ направленіи, т. е. безпощадно истреблять всякое движеніе польской жизни и мысли. Здравый смыслъ, о которомъ я говорилъ выше, какъ о знаменательной чертѣ русскаго ума, отсутствуетъ въ этомъ случаѣ. Недовольству нѣсколькихъ миліоновъ человѣческихъ личностей, скованныхъ крѣпкими цѣпями, не придается никакого значенія въ государствѣ болѣе чѣмъ стомиліонномъ — это дѣло слишкомъ маловажное. За то несравненно важнѣе представляется неудовольствіе, охватывающее коренныя русскія внутреннія губерніи, происходящее отъ пробужденнаго самосознанія и стремленія къ свободѣ въ общественной и политической жизни. Результатомъ этого неудовольствія,

если оно до извѣстной степени не будетъ удовлетворено, будетъ ростъ нигилизма. По этому превознося польскую политику Каткова, г. Львовъ очень сдержанно относится къ его русской внутренней политикѣ и разбираетъ довольно подробно ея различныя фазы.

Самый сильный толчекъ въ ретроградномъ направленіи данъ былъ Каткову тѣмъ же польскимъ вопросомъ. Взывая къ крестовому походу противъ Польши, онъ началъ задѣвать тѣхъ изъ петербургскихъ сановниковъ, которые считались приверженцами либеральныхъ реформъ императора Александра II и рекомендовали мягкій образъ дѣйствій по отношенію къ Польшѣ, даже послѣ вспышки возстанія. Таковы были: петербургскій генералъ губернаторъ кн. Суворовъ, министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ и министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Валуевъ. Впрочемъ у послѣдняго либерализмъ не выходилъ обыкновенно за предѣлы чисто русскихъ интересовъ.

Матеріаломъ къ нападенію послужила Каткову извѣстная брошюра: Que fera-t-on de la Pologne? Всѣ считали автора ея, барона Фиркса, скрывавшагося подъ псевдонимомъ Шедо-Ферротти, выразителемъ взглядовъ Головнина. Полемизируя какъ съ этой брошюрой такъ и съ послѣдующими сочиненіями тогоже автора, печатавшимися сначала въ „Indépendance Belge“, впослѣдствіи въ собственномъ его органѣ: „Echo de la presse russe“, Катковъ указывалъ на компрометирующее ихъ родство со стремленіями либеральныхъ министровъ и не поколебался въ одной изъ своихъ статей указать на непосредственное вліяніе »одного изъ министровъ« (т. е. Головнина). По этому поводу завязалась борьба между министромъ, стоявшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ по своей должности во главѣ цензуры, и журналистомъ, который зная

наклонности императора и шаткость его либеральныхъ совѣтниковъ былъ увѣренъ въ окончательномъ торжествѣ своего дѣла. Журналистъ нападалъ — министръ отвѣчалъ денежными штрафами и предостереженіями. Но эта борьба съ высокопоставленными представителями власти не требовала слишкомъ большой смѣлости. Катковъ, выступая противъ нихъ во имя началъ государственнаго самодержавія имѣлъ въ правительственныхъ сферахъ могущественныхъ опекуновъ, въ лицѣ канцлера князя Горчакова и военнаго министра Милютина. Даже самъ государь обратилъ вниманіе на первыя его статьи о Полыпѣ напечатанныя еще въ 1862 г., и прибывъ въ концѣ тогоже года въ Москву, онъ приказалъ представить себѣ Каткова и изволилъ милостиво съ нимъ разговаривать. — Послѣ этого, не удивительно, что когда Головнинъ — какъ увѣряетъ г. Львовъ — пытался подкупить Каткова, тотъ гордо отклонилъ это предложеніе и еще горделивѣе отвѣтилъ извѣстному лицу, присланному къ нему великимъ княземъ Константиномъ для переговоровъ — что о такихъ дѣлахъ онъ можетъ говорить только лично съ В. княземъ.

Однако, въ концѣ 1866 года, газета Каткова имѣла два предостереженія. Предсказывали уже прекращеніе изданія, но вотъ неожиданное покушеніе на жизнь государя, совершонное 4 апрѣля бывшимъ студентомъ Каракозовымъ, послужило мнимымъ подтвержденіемъ взглядовъ высказываемыхъ въ статьяхъ »Московскихъ Вѣдомостей« въ послѣдніе годы о непосредственной связи либерализма со стремленіями къ перевороту. Въ политикѣ императора наступилъ поворотъ къ реакціи. Головнинъ былъ смѣщенъ. Такимъ образомъ Каткову развязали руки — и съ тѣхъ поръ постепенно увеличивается его вліяніе на правительство и общество. Либеральное направленіе Лорисъ-Меликова

и открытая вражда тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Сабурова, желавшаго воскресить традицію Головнина не сломали и даже не поколебали положенія Каткова. Во время же царствованія Александра III могущество московскаго публициста достигло своего апогея. Вмѣстѣ съ Дм. Толстымъ и Побѣдоносцевымъ онъ становится тогда у кормила Россіи и управляетъ имъ до самой смерти. Зловѣщее обаяніе его имени растетъ послѣ смерти, растетъ безпрерывно до нашихъ дней; его взгляды становятся евангеліемъ не только для правительства и чиновническаго класса но почти для всей Россіи; идея Каткова проникаетъ во всѣ проявленія русской жизни, его имя становится ея сердцемъ, ея совѣстью. Въ этой совѣсти иногда рождаются сомнѣнія, воскресаютъ воспоминанія тѣхъ прошлыхъ временъ, когда мечты о правдѣ и всеобщей справедливости наполняли душу, но все это меркнетъ и гибнетъ въ зародышѣ...

Г. Львовъ озаглавилъ свою книгу: »Катковъ и его эпоха«; авторъ имѣлъ въ виду ту эпоху, когда Катковъ жилъ и дѣйствовалъ, но это заглавіе еще лучше отвѣчаетъ настоящему времени. — Катковъ имѣлъ могучихъ противниковъ въ обществѣ, въ печати, въ литературѣ, даже въ правительствѣ; нынѣ же за нимъ, за духомъ его ученій слѣдуетъ правительство, за правительствомъ все или почти все общество, ненаучившееся до сихъ поръ самостоятельно мыслить, и наконецъ значительная часть печати. Въ литературѣ можно встрѣтить еще нѣсколькихъ ветерановъ, дѣйствующихъ въ старомъ либеральномъ духѣ, но никто ихъ не слушаетъ, молодые же не являются имъ на смѣну... Вотъ почему именно нынѣшнее время слѣдуетъ назвать эпохой Каткова; началомъ же этой эпохи были послѣдніе годы жизни Каткова, первые же царствованія Александра III.

Каткова можно смѣло поставить рядомъ съ Бисмаркомъ — разумѣется не по значенію совершенныхъ имъ дѣлъ. Бисмаркъ создалъ объединенную германскую имперію — Катковъ только вдохновлялъ императора Александра III и его министровъ въ духѣ обрусенія окраинъ государства и абсолютнаго самодержавія, т. е. абсолютнаго чиновничьяго самоволія во всей имперіи; но что касается вліянія на правительство, на общество и общественное мнѣніе, а также направленія этого вліянія, то сходство между Бисмаркомъ и Катковымъ поразительно. При томъ для обоихъ польское возстаніе и ненависть къ Польшѣ были исходною точкой далеко идущихъ плановъ и дѣйствій. И оба они дошли наконецъ въ своей ненависти до предѣловъ смѣшной маніи граничащей съ умопомраченіемъ. Даже г. Львовъ не можетъ скрыть этого. »Вся отрицательная и нигилистическая литература — говоритъ онъ — всѣ критики и писатели, которые такъ сильно потрясли русскую мысль, прошли мимо Каткова незамѣченными, потому что умъ его былъ поглощенъ одной мыслью: »Полонизмъ — вотъ врагъ«. — Эта мысль укоренилась въ немъ окончательно послѣ покушенія Березовскаго. Съ тѣхъ поръ все, что въ Россіи противорѣчило его взглядамъ и стремленіямъ происходило отъ польскаго духа — было дѣломъ польской интриги. Польской интригой было всеобщее неудовольствіе по поводу введенія гр Толстымъ реформы класическихъ гимназій, польской интригой было каждое проявленіе либерализма въ печати, польской интригой былъ нигилизмъ. И до сихъ поръ офиціальная Россія любитъ притворяться, что вѣритъ этому. Это видно изъ офиціальнаго отчета о послѣднихъ студенческихъ безпорядкахъ (Прав. Вѣстникъ 1899 Апрѣль). Польскіе студенты Кіевскаго университета, изъявлявшіе въ Декабрѣ 1898 года свое

неудовольствіе по поводу открытія памятника Муравьева, представлены какъ зачинщики движенія охватившаго всю Россію и неимѣвшаго ничего общаго съ польскими національными стремленіями. Нелѣпость предположенія очевидна и объясняется тѣмъ, что авторъ доклада ген. Ванновскій, какъ обрусѣвшій Полякъ, отличается непримиримой ненавистью къ народности своихъ предковъ.

Дѣло начатое въ духѣ ненависти привело его творца къ умственному и нравственному упадку. О первомъ достаточно свидѣтельствуютъ его полонофобскія затѣи, второе же выражалось въ неутомимомъ и сознательномъ возбужденіи самыхъ низзкихъ инстинктовъ толпы. Катковъ могъ въ эпоху процвѣтанія своего вліянія писать все, что ему приходило въ голову; каждое его слово имѣло вѣсъ въ самыхъ высокихъ кругахъ, между тѣмъ какъ противники »Московскихъ Вѣдомостей« были связаны цензурой. И онъ безсовѣстно пользовался этими исключительными обстоятельствами обезпечивавшими ему побѣду надъ обезсиленнымъ врагомъ. Въ каждомъ ненравящемся ему словѣ онъ чуялъ слѣды козней противъ государя или противъ цѣлости государства — и добровольно принималъ на себя обязанность жандарма и доносчика.

Однажды, въ 1878 г. группа студентовъ молча провожала политическихъ ссыльныхъ, шедшихъ по улицамъ Москвы въ сопровожденіи конвоя солдатъ. Во время прохода черезъ рынокъ на студентовъ напали мясники и избили ихъ какъ бунтовщиковъ противъ государя; многіе были ранены. На другой день Катковъ напечаталъ статью, въ которой восхвалялъ патріотизмъ мясниковъ. Утверждаютъ, что именно посланные Катковымъ агенты провокаторы возбудили мясниковъ противъ студентовъ, изъявлявшихъ свое сочувствіе ссыльнымъ. Молва почти невѣроятная. Однако г. Львовъ приводитъ ее

въ своей книгѣ и повидимому вѣритъ ей. Вообще мы должны отдать справедливость автору что здравый смыслъ удерживаетъ у него патріотическій восторгъ надъ государственною мудростью Каткова и это дозволяетъ ему безпристрастно оцѣнить его дѣятельность въ послѣдніе годы его жизни.

»Идея единовластья — говоритъ авторъ — упоила и поглотила цѣликомъ умъ Каткова. Въ 1862 г. онъ былъ еще подъ вліяніемъ взглядовъ Блакстона, Гнейста и Блюнчли; въ то время его живо интересовало направленіе литературы и искуства и ничто происходившее въ умственной жизни его отечества не было ему чуждо. Теперь все перемѣнилось. Катковъ стоитъ передъ нами преобразованный. Умъ его лишенъ свободы, талантъ гибнетъ. Идеи становятся туманными и таютъ въ излишкѣ ненависти; нападки неумолимой злобы повторяются все чаще и чаще. »Искусство и поэзія не существуютъ для него, о литературѣ онъ не хочетъ знать, онъ презираетъ всю прессу за исключеніемъ своей газеты. Онъ знаетъ только одну обязанность господствующую надъ всѣми прочими – обязанность вѣрности государю; онъ признаетъ только одну фил софію — философію покорности.« »Ослѣпленіе это неизвинительно человѣку, который такъ блистательно началъ свою дѣятельность « »Онъ нанесъ смертельный ударъ полонизму, уничтожилъ вліяніе Герцена и ему казалось, что все спасено: пусть только государь расширитъ власть III отдѣленія и увеличитъ число жандармовъ и все пойдетъ, какъ слѣдуетъ.«

II.

Катковъ и Иванъ Аксаковъ.

Книга г. Львова посвящена скорѣе описанію эпохи въ которой дѣйствовалъ Катковъ, чѣмъ его біографіи. Событія его жизни и душевныя перемѣны мало выяснены, но въ виду недостатка такихъ матеріаловъ, какъ письма, записки и другія интимныя признанія, нельзя винить въ этомъ автора Извѣстно, что въ молодости Катковъ былъ товарищемъ и другомъ лучшихъ людей николаевскаго времени: Герцена, Бѣлинскаго, Грановскаго, Хомякова, братьевъ Кирѣевскихъ. Онъ началъ свою дѣятельность съ проповѣдыванія либеральныхъ идей и прославился своей особенной симпатіей къ Англіи и ея политическимъ и общественнымъ порядкамъ. Польское возстаніе толкнуло его къ шовинистическому и реакціонному направленію. Однакоже переворотъ этотъ не произошелъ въ немъ сразу; но что его подготовило и какимъ образомъ онъ совершался, о томъ, къ сожалѣнію, авторъ не умѣлъ намъ дать достовѣрныхъ свѣдѣній.

За то любопытны и удачны его замѣчанія о послѣднихъ годахъ жизни Каткова. Въ 1880 г., послѣ цѣлаго ряда революціонныхъ покушеній, послѣ призванія къ кормилу правленія Лорисъ-Меликова и либеральнаго поворота какъ въ умѣ императора такъ и въ политикѣ правителей, послѣ отставки министра народнаго просвѣщенія гр. Толстого, котораго поддерживали »Московскія Вѣдомости«, но возненавидѣло все общество — была минута, въ которой могло казаться, что самъ Катковъ началъ сомнѣваться въ спасительности своихъ идей и въ пользѣ ихъ вліянія — и пожелалъ сблизиться со своими противниками. Удобный случай

вскорѣ представился при празднованіи открытія памятника Пушкина въ Москвѣ. Катковъ выступилъ тогда на одномъ изъ банкетовъ съ ловко обдуманною рѣчью. Превознося общее благоговѣніе къ памяти Пушкина соединившее людей разныхъ убѣжденій и партій, онъ выразилъ по этому поводу надежду, что послѣдуетъ вскорѣ если не полное примиреніе, то по крайней мѣрѣ перемиріе между борющимися противниками, перемиріе основанное на желаніи взаимнаго соглашенія, которое только тогда наступитъ, когда мы будемъ почитать хорошее не только въ насъ самихъ, но и въ другихъ — и на оборотъ, ненавидѣть зло не только въ другихъ, но и въ собственныхъ душахъ. Съ этимъ тостомъ онъ обратился къ одному изъ своихъ противниковъ, къ вождю славянофиловъ, Ивану Аксакову — и они сердечно обнялись. Затѣмъ онъ съ бокаломъ въ рукѣ подошелъ къ Тургеневу, какъ представителю »западниковъ«, но тотъ демонстративно отшатнулся. На слѣдующій день либеральная газета »Голосъ« напечатала ироническую статью, подтрунивая надъ Катковымъ, и выставляя его, какъ кающагося грѣшника, напрасно молящаго прощенія у своихъ враговъ побѣдителей.

Это публичное посрамленіе всемогущаго журналиста было — какъ справедливо утверждаетъ г. Львовъ — политической ошибкой, но оно было совершенно понятно. Тургеневъ не могъ вѣрить ни въ искренность, ни въ политическую честность человѣка, который, пользуясь исключительнымъ вниманіемъ властей, ежедневно указывалъ на людей противныхъ съ нимъ мнѣній, какъ на государственныхъ преступниковъ, достойныхъ тюрьмы или Сибири. Гордость Каткова не снесла этого оскорбленія. Съ тѣхъ поръ злобное предубѣжденіе окончательно вытѣснило изъ души его чувство справедливости и честности. Но несравненно

загубнѣе чѣмъ вражда его къ Тургеневу былъ въ своихъ послѣдствіяхъ какъ для Россіи, такъ и для Польши, тотъ злополучный поцѣлуй, которымъ Катковъ прикрѣпилъ на этомъ банкетѣ свой союзъ съ Аксаковымъ. Изъ этого союза государственнаго фанатизма съ фанатизмомъ религіи православнаго Бога и единаго избраннаго имъ православнаго русскаго народа, исполнителя его воли, произошло одичаніе чувствъ, охватившее нынѣ почти всю Россію и погрузившее ся въ омутъ нравственной грязи.

Съ именемъ Каткова связаны для насъ самыя тяжелыя воспоминанія. Надо однако признать, что онъ говорилъ прямо и откровенно, не притворяясь пророкомъ, толкователемъ закона Божьяго. Онъ выступалъ только какъ членъ государственнаго организма, а такъ какъ въ этомъ организмѣ растлѣвающимъ началомъ былъ, по его мнѣнію, полонизмъ, то слѣдовательно необходимо было его уничтожнить.

Раскрываемъ на удачу первый томъ статей Каткова о польскомъ вопросѣ.*) На стр. 249 читаемъ слѣдующее: »Насъ упрекаютъ въ жестокости, мы скорѣе должны упрекать себя въ томъ, что мы слишкомъ уступчивы, слишкомъ расположены къ угодливости, слишкомъ мало наклонны цѣнить свое по достоинству.« Затѣмъ слѣдуетъ длинное и полное страсти разсужденіе о томъ, что русскіе чиновники въ Литвѣ совсѣмъ не таковы, какими они должны быть; что они слишкомъ »конфузятся своего права« и поэтому не противодѣйствуютъ полонизму, однимъ словомъ они вреднѣе и виновнѣе взяточниковъ, ибо для снисканія популярности въ польскомъ обществѣ они не исполняютъ точно государственныхъ законовъ. Вспомнимъ, что эти слова писались въ Муравьевское время. Этого

*) См. М. Н. Катковъ 1863 годъ, Москва 1887 г. 2. тома

достаточно. Мы можемъ закрыть книгу; худшаго въ ней мы не найдемъ ничего.

Это сѣтованіе на слабость властей, эту проповѣдь необходимости стереть съ лица земли польскую національность заимствовалъ Аксаковъ у Каткова послѣ упомянутаго поцѣлуя съ нимъ — и возвелъ на высоту религіознаго догмата. И тогда какъ Катковъ, какъ человѣкъ практическій, имѣлъ въ виду только пользу государства, мистикъ Аксаковъ сталъ проповѣдывать тѣже идеи во имя Божественнаго призванія русскаго народа. Пользу государства можно толковать розлично; можно было надѣяться, что если не Катковъ, то его преемники иначе взглянутъ на эту пользу и на польскій вопросъ, и что со временемъ наше соглашеніе съ русскими станетъ возможнымъ. Но религіозные догматы неизмѣнны — и Аксаковъ рылъ пропасть между Польшей и тѣми, которые готовы были слѣдовать за нимъ. — При томъ въ выводахъ Каткова не было ничего оригинальнаго. Такъ разсуждалъ Бисмаркъ, такъ всегда и вездѣ разсуждаютъ сильные, притѣсняя слабыхъ. Это вѣковѣчная логика сказочнаго волка, давящаго овцу. Ученіе же Аксакова было самороднымъ изліяніемъ русскаго духа; поэтому оно тѣмъ глубже вкоренялось въ русскую совѣсть и тѣмъ труднѣе было его побороть.

Какъ же выразилась сущность русскаго духа въ этомъ ученій? — Въ могучемъ полетѣ къ идеалу, въ страстномъ желаніи осуществленія идеальнаго порядка во вселенной — и рядомъ съ этимъ, въ совершенномъ неумѣніи отличить добро отъ зла. Говоря иначе, ученіе Аксакова проникнуто духомъ лицемѣрія, но лицемѣрія наивнаго. Вѣдь проповѣдывать не только съ евангеліемъ въ рукахъ и съ именемъ Спасителя на устахъ, но даже во имя евангелія и Христа необходимость истребленія без-

защитныхъ народовъ представляется на первый взглядъ однимъ изъ отвратительнѣйшихъ видовъ лицемѣрія, но въ томъ то и дѣло, что Аксаковъ проповѣдывалъ это вполнѣ искренно, воображая, что онъ совершаетъ нравственный подвигъ. Человѣкъ честный, правдивый, независимыхъ убѣжденій, непреклонный въ отношеніи къ властямъ, онъ неоднократно подвергался правительственнымъ преслѣдованіямъ, но не унывалъ и не уступалъ. Если мы въ состояніи забыть о его ненависти къ намъ, то читая его переписку, мы невольно будемъ очарованы чистотой его благородной души, ненавидящей всякую ложь. Но что же? Подъ бѣлымъ покровомъ благородства въ глубинѣ этой души скрывались, говоря языкомъ Словацкаго, »змѣиныя ямы наполненныя измѣной«; — измѣной Богу и божескому праву на землѣ. И эта измѣна Богу, эта испорченность сердца и извращенность ума воздвигающаго на святыхъ евангельскихъ началахъ человѣконенавистническое ученіе дышащее отвратительной противоестественной жаждой человѣческихъ слезъ и крови, представляются мнѣ чисто русскимъ явленіемъ.

Людей лицемѣрныхъ много вездѣ, во всѣхъ странахъ, но можно смѣло утверждать, что на Западѣ мы и съ фонарёмъ въ рукахъ не найдемъ людей искренно религіозныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно желающихъ путемъ насилія и ненависти водворить царство Божіе на землѣ. Бывали такіе люди, но въ среднихъ вѣкахъ, во время религіозныхъ войнъ. Нынѣ можно ихъ встрѣтить только въ Россіи. Поэтому я и не думаю утверждать, что стремленіе къ идеалу, исковерканное въ зародышѣ неумѣніемъ отличить добро отъ зла, есть русское племенное свойство, искони присущее русской натурѣ; нѣтъ, это чисто историческій результатъ, результатъ длиннаго ряда вѣковъ рабства

и униженія; онъ стоитъ въ непосредственной связи съ одностороннымъ развитіемъ государственности, захватившей всѣ сферы жизни, въ особенности же сферу церкви.

И ненависть къ Польшѣ не была у Аксакова слѣпымъ племеннымъ инстинктомъ, но проистекала изъ глубокой увѣренности, что истребленіе польскаго народа, какъ представителя »гнилаго« латинизма, есть нравственная обязанность предписанная религіей, которую Христосъ принесъ людямъ, русскіе же славянофилы истолковали и примѣнили къ жизни избраннаго русскаго народа. Сущность славянофильскаго ученія составлялъ мессіанизмъ, т. е. вѣра въ мессіаническое призваніе Россіи. Эта вѣра основывалась на томъ, что Россія исповѣдуетъ православіе т. е. религію Христа въ ея первобытной чистотѣ, что въ отдаленномъ прошломъ, она создала лучшую форму общественнаго строя, сохранившуюся донынѣ въ крестьянскомъ общинномъ землевладѣніи — и наконецъ что она осуществила у себя идеальный государственный порядокъ, заключавшійся въ сердечномъ единеніи самодержавнаго государя съ народомъ. Выраженіемъ этой связи служили земскіе соборы, на которыхъ народъ свободно излагалъ свои сужденія о дѣлахъ, и которые безконечно превышали въ нравственномъ отношеніи западно-европейскій конституціонализмъ тѣмъ, что не нуждались въ гарантіяхъ и слѣдовательно не допускали возможности какой нибудь фальши въ отношеніяхъ государя къ народу.

Творцы этого ученія — братья Кирѣевскіе, Хомяковъ и Константинъ Аксаковъ, старшій братъ Ивана — пребывали въ области теоріи. Впрочемъ, въ царствованіе Николая I они и не могли писать о текущихъ дѣлахъ; но когда представлялась возможность коснуться дѣйствительной жизни, основатели славянофильства обнаруживали умную и со-

гласную съ ихъ христіанскими началами терпимость, напр. въ славянскомъ вопросѣ мечтая о гегемоніи Россіи, они все таки желали свободнаго развитія этихъ народовъ Слабой стороной ихъ ученія было то, что оно слишкомъ безусловно идеализировало историческія основы, на которыхъ развивалась Россія и слишкомъ слабо и воздержанно указывало на ихъ несовершенства въ примѣненіи къ дѣйствительности.*) Этимъ славянофилы давали опасное орудіе въ руки преемниковъ своихъ, неспособныхъ подняться на ту высоту, на которой они стояли. И разложеніе ученія наступило весьма скоро. Въ рукахъ Ивана Аксакова оно окончательно превратилось въ орудіе къ распространенію ненависти, все нерусское и неправославное въ предѣлахъ Русской Имперіи стало предметомъ его безпощадной травли. И въ этомъ отношеніи Аксаковъ достигъ, благодаря своему примиренію съ Катковымъ въ 1880 г. такихъ блистательныхъ результатовъ, о которыхъ онъ и не мечталъ. Органомъ его истребительной пропаганды сталъ журналъ »Русь«, который онъ издавалъ съ 1881 года, до самой своей смерти, т. е. до 1885 года.

Однако Аксаковъ не сразу палъ съ высоты ученія первыхъ славянофиловъ, въ »змѣиную яму измѣны«. Въ концѣ 1861 года онъ печаталъ въ газетѣ »День« статью »Наши нравственныя отношенія къ Польшѣ«, въ которой стоялъ еще на общей почвѣ со своими покойными учителями. Онъ начиналъ съ прекраснаго утвержденія, что дѣйствительную силу и значеніе въ исторіи имѣютъ только нравственныя истины, непреходящія начала любви и справедливости: »всякое уклоненіе

*) Ср. М. Урсинъ: Очерки изъ психологіи Славянскаго племени. СПБ. 1887.

отъ нихъ проявляется ложью даже во внѣшнемъ устройствѣ, подрываетъ матеріальное преуспѣяніе, подтачиваетъ жизнь историческихъ обществъ.« — Эти нравственныя истины составляютъ краеугольный камень историческаго развитія Россіи: внѣшняя политика ея не представлетъ и сотой доли тѣхъ темныхъ пятенъ, которыми омрачена политика другихъ европейскихъ народовъ. Русскій національный характеръ не сноситъ лжи и »всякое уклоненіе нашей политики отъ началъ нравственныхъ удается намъ плохо и возбуждаетъ сильный протестъ нашей собственной общественной исторической совѣсти«. Россія — по мнѣнію автора — не могла бы никогда отнестись къ неправдѣ съ тѣмъ искусствомъ и съ тѣмъ спокойствомъ общественной совѣсти, съ какимъ относится Англія къ Іоническому и наша сосѣдка Пруссія къ Познанскому вопросу. Поэтому намъ необходимо въ польскомъ вопросѣ »стоять на почвѣ полнѣйшей нравственной законами«. Согласно съ этимъ, Аксаковъ произноситъ дальше слѣдующія слова: »Осуждая со всею рѣзкостью правды притязанія Поляковъ на Кіевъ и Смоленскъ, мы бы погрѣшили противъ логическаго смысла, еслибы стали осуждать законность ихъ натріотизма въ отношеніи къ Варшавѣ, Кракову и Познани.« Это впрочемъ не мѣшало автору утверждать что паденіе Польши было подготовлено »ложью шляхетчины и католицизма, измѣною ея славянскимъ началамъ, гордыней и нетерпимостью.« Но вслѣдствіе этого Россія должна тѣмъ болѣе помагать всѣмъ польскимъ стремленіямъ къ нравственному подъему. Свою статью авторъ кончалъ изъявленіемъ надежды, что: »рано или поздно, послѣдуетъ тѣснѣйшее и полнѣйшее искреннее сближеніе славянской Польши со славянской же Россіей.« Средствомъ ведущимъ къ этому должно быть »мирное братское обсужденіе междуплеменныхъ

взаимныхъ правъ и отношеній«, вполнѣ откровенная литературныя полемика, »всего чище могла бы способствовать къ разъясненію дѣла и къ вразумленію нашей собственной недоумѣвающей совѣсти«.

Этимъ сентиментальнымъ мечтамъ писателя о литературномъ рѣшеніи польско-русскаго спора положила конецъ страшная дѣйствительность. Возстаніе на всегда возстановило Аксакова противъ Польши и поколебало въ немъ вѣру въ мирное окончаніе польскаго вопроса. Однако сначала онъ пробовалъ еще оставаться на почвѣ христіанско-славянофильской. Въ 1863 году, 24 августа, онъ началъ въ той же газетѣ »Д е н ь« мягкую полемику съ Катковымъ, въ которой съ горечью подтверждалъ, что Россія имѣетъ противъ себя всю Польшу, что возстаніе не есть дѣломъ нѣсколькихъ безумцевъ, какъ это желали представить русскія власти въ Царствѣ Польскомъ, но что оно в с е н а р о д н о е возстаніе, »протестъ всей мыслящей и дѣйствующей части народа«, что поэтому политика уступокъ веденная Велепольскимъ не можетъ имѣть успѣха. Остается одно изъ двухъ: или уничтожнить Польшу и держать ее въ тяжелыхъ оковахъ зависимости, къ чему стремится Катковъ, или дать ей то, чего она требуетъ т. е. независимость. Первое не ведетъ къ развязкѣ дѣла, потому что дѣйствуя такимъ образомъ Россія возбудила бы противъ себя ненависть всего соплеменнаго народа и польскій вопросъ былъбы постоянной зіяющей раной на тѣлѣ Россіи. Что же касается другаго способа, Аксаковъ не одобрялъ его прямо, но ограничился указаніемъ на то, что послѣ погашенія возстанія, въ какомъ то неопредѣленномъ будущемъ »русская общественная мысль, ставъ наконецъ вполнѣ русской и общественной непремѣнно приведетъ польскій вопросъ къ такому исходу, при которомъ фактъ насилія, отравляющій наше теперешнее отношеніе

къ польской народности въ Польшѣ, будетъ упраздненъ и польской народности дарована будетъ полная самостоятельность, въ соединеніи или безъ соединенія съ Россіей«. Надо прибавить, что Аксаковъ энергически отмѣчалъ то, что польская народность имѣетъ право къ самостоятельному развитію только въ Польшѣ, но никакъ ни въ Литвѣ, ни на Руси. Въ этомъ отношеніи онъ съ самаго начала сталъ на сторонѣ политики Муравьева.

Изъ вышеприведенныхъ словъ Катковъ вывелъ то заключеніе что не смотря на кажущуюся разницу во взглядахъ, Аксаковъ стремился къ той же цѣли что и Велепольскій; затѣмъ онъ упрекнулъ его и въ томъ, что онъ назвалъ польское возстаніе народнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ немъ участвовала только шляхта, масса же народа относилась враждебно. Въ своемъ отвѣтѣ (7. Сентября) Аксаковъ видимо напуганный растущимъ могуществомъ Каткова, и боясь обвиненія въ недостаткѣ патріотизма, которое для него, какъ преемника славянофиловъ, былобы особенно тегостно, уступилъ, смягчился и подчеркивая еще разъ дилемму — или усмирить теперь и угнетать вѣчно — или же дать имъ все, чего они желаютъ — прибавилъ къ этому, что въ будущемъ правительство, окончательно подавивъ возстаніе, призоветъ крестьянъ къ участію въ общественной жизни, и крестьяне станутъ тогда рѣшающей силой въ развязкѣ польскаго вопроса, и навѣрно не пожелаютъ отдѣлиться отъ Россіи.

Опять неопредѣленное литературное мечтаніе о какомъ то туманномъ будущемъ! Важно однако то, что въ умѣ Аксакова запечатлѣлось упорно проводимое во всѣхъ статьяхъ редактора »Московскихъ Вѣдомостей« раздѣленіе Польши на два враждующихъ лагера. Въ этомъ разграниченіи онъ нашелъ пищу для собственныхъ мечтаній. Какъ

славянофилъ онъ свято вѣрилъ въ гніеніе католическаго и конституціоннаго Запада и вѣрилъ въ спасительное призваніе православной Россіи. Польская же шляхта была упорно католическимъ и западническимъ элементомъ; она то именно, а не цѣлый польскій народъ, была тѣмъ отравленнымъ клиномъ, который, какъ выразился когда то Самаринъ, латинство вонзило въ сердцевину Славяно-русскаго міра. Не лучше ли вынуть и заблаговременно уничтожить этотъ клинъ? Останется народъ, невѣжественная но свѣжая сила, которая легче поддастся вліянію святаго православія, и святой Россіи!

По наклонности этихъ мечтаній Аксаковъ спускался все ниже и ниже. Уже въ декабрѣ 1863 года въ статьѣ напечатанной въ той же газетѣ »День« подъ заглавіемъ: Есть ли какой нибудь исходъ нашей борьбѣ съ Поляками, онъ приходилъ къ заключенію, что нѣтъ исхода и ссылался на »Легенду« Красинскаго, въ которой польская шляхта старалась поддержать на остріяхъ своихъ сабель падающія на папу и кардиналовъ стѣны базилики св. Петра, но напрасно, на развалинахъ святыни св. Іоаннъ Богословъ превозглашалъ новое царствіе Христа. »Вѣщій поэтъ — разсуждалъ Аксаковъ — признаетъ возрожденіе Польши возможнымъ только съ исчезновеніемъ католицизма или латинства и польскаго шляхетства. Онъ не призналъ шляхту способною къ перерожденію, но на смерти шляхетства (не людей разумѣется а историческаго явленія) сооружаетъ новый міръ — міръ любви и братства.« »Вопросы — кончалъ Аксаковъ — польскій и папскій тѣсно связаны между собой.« Условіемъ примиренія Польши съ Россіей является смерть католической и шляхетской Польши. Исковеркавъ такимъ безсовѣстнымъ образомъ смыслъ поэмы, онъ какъ будто въ согласіи съ Красинскимъ

объявлялъ войну католицизму и шляхтѣ. Благодаря этому онъ становился въ одномъ ряду съ Катковымъ, но стремясь къ той же цѣли, онъ говорилъ инымъ, какимъ то слезливо сентиментальнымъ и религіозно напыщеннымъ тономъ, который былъ на столько отвратительнѣе тона Каткова, на сколько слезы святоши отвратительнѣе ироническаго смѣха цыника. Вѣдь »поклонникъ добродѣтели« Робеспіеръ былъ гаже логичнаго въ своей жестокости Дантона. Неумолимой пропагандѣ желѣза и крови, постояннымъ восхищеніемъ надъ дѣятельностью Муравьева, который спасъ славу своего народа, сопутсвовали слезы, славяно-русскія слезы надъ упадкомъ »дорогаго« братскаго, польскаго народа, который подъ убійственнымъ вліяніемъ своего католицизма сталъ поперекъ божественному призваніи славянской Россіи, долженствующей водворять законъ Спасителя въ мірѣ, слезы скорби надъ мученичествомъ русскаго и литовскаго народовъ, отданныхъ на поруганіе панамъ и ксендзамъ, слезы умиленія надъ геройскимъ самопожертвованіемъ православныхъ русскихъ дѣятелей, отиравляющихся на отдаленныя окраины и готовыхъ съ апостольскимъ рвеніемъ и самозабвеніемъ рубить, вѣшать, заключать въ тюрьмы, мучить окаянныхъ безумцевъ, которые, вмѣсто того чтобъ благославлять, встрѣчали проклятіями и унынiемъ безнадежной боли святыхъ апостоловъ единой спасающей русской культуры представителей новаго »культурно-историческаго типа«.

Въ ноябрѣ 1864 г. въ статьѣ озаглавленной: Возможно ли возвратиться къ системѣ Велепольскаго (тоже въ газ. »День«) Аксаковъ предлагалъ приговорить Поляковъ къ голодной смерти. Этого слова онъ не выговорилъ, но таковъ былъ смыслъ его разсужденій. Оставимъ — разсуждалъ онъ — ложный либерализмъ, »лучше прямо

сказать врагу: я знаю, что ты мнѣ врагъ и разумѣю тебя таковымъ, я знаю, что мнѣ нечего ждать отъ тебя ни любви, ни дружбы, ни благодарности (sic), я не дамъ себя обмануть снова и такъ какъ ты не упустишъ никакого случая повредить мнѣ вновь, то я постараюсь сдѣлать тебя безвреднымъ«. И такъ, мало того, что русская администрація вводится въ польскія земли, но и въ Россію нельзя допустить ни одного польскаго чиновника. Вогнать внутрь Россіи Польшу шляхетскую, католическую, раздраженную и метящую — »это значитъ привить къ себѣ гангрену«. Что же дѣлать »если невыгодно возвратиться къ системѣ Велепольскаго, если нельзя поглотить Польшу Россіей и слить Польшу съ ней въ безразличномъ единствѣ?« Мы не предрѣшаемъ вопроса — отвѣчаетъ авторъ. И соотвѣтственно этому онъ опять ограничивается сентиментальными намеками о далекомъ будущемъ, когда какія то новыя общественныя начала дадутъ Польшѣ миръ. Во всякомъ случаѣ развязка польскаго вопроса должна совершиться на могилѣ шляхты и католицизма, съ помощью польскаго крестьянина воспитаннаго въ русской школѣ и въ русскихъ понятіяхъ.

Но долженъ ли былъ этотъ будущій крестьянинъ говорить по русски и исповѣдывать православную вѣру? Аксаковъ не смѣлъ сознаться въ такомъ безобразномъ намѣреніи. Даже вѣруя въ его искренность нельзя не видѣть, что онъ закрывалъ себѣ глаза, предполагая, что польскій крестьянинъ, которому отняли родной языкъ, котораго оскорбили въ его религіозномъ чувствѣ, передъ которымъ закрытъ доступъ и къ общественной дѣятельности и къ правительственной службѣ, можетъ питать къ Россіи иное чувство чѣмъ польскій шляхтичъ. Во всякомъ случаѣ результатъ всѣхъ этихъ разсужденій и соображеній былъ для

насъ весьма прискорбный. Calomniez, calomniez toujours, il en restera quelque chose. Эта послѣдовательная клевета имѣвшая цѣлью представить Польшу раздѣленной на двѣ части, не имѣющія ничего общаго между собою и взаимно отталкивающіяся — на польскую шляхту и польскихъ крестьянъ — произвело извѣстное впечатлѣніе заграницей, особенно же повѣрили этому демократическіе славянскіе народы. Недавно одинъ изъ чешскихъ публицистовъ, резюмируя свои впечатлѣпія послѣ поѣздки въ Россію и Польшу, восхвалялъ русское правительство за то, что оно притѣсняетъ шляхту, но деликатно прибавлялъ къ этому, что слѣдовало бы нѣсколько »объективнѣе« поступать съ польскими крестьянами. На это покойный Елинэкъ отвѣчалъ въ благородномъ негодованіи, что Польская шляхта это не 10—20 магнацкихъ семействъ, какъ въ Чехіи, но сотни тысячь. »Такъ какъ же желать истребленія шляхты? Какъ допустить возможность этого? Пріѣзжая въ Польшу, мы можемъ предполагать, что извощикъ, который насъ везетъ, и лакей, который намъ служитъ — шляхтичи; ксендзъ, учитель, писатель, актеръ, всѣ тамъ шляхтичи. Изъ нѣдра шляхты, со временъ Мицкевича вышло все, что составляетъ гордость Польши. Даже редакторы и издатели самыхъ крайныхъ, демократическихъ, антишляхетскихъ газетъ и брошюръ — шляхтичи.«

Страданіе научило насъ терпѣнію; мы прощаемъ Аксакову все, что онъ писалъ про насъ въ 1863 и 1864 г., подъ впечатлѣніемъ борьбы и вліяніемъ раздраженнаго патріотическаго чувства. Но по истеченіи 17 лѣтъ этотъ человѣкъ бросился на насъ въ своемъ новомъ органѣ »Русь« съ удвоенною ненавистью и въ этомъ чувствѣ онъ пребывалъ до самой своей смерти, т. е. до 1885 г. Между тѣмъ онъ не могъ не знать о переворотѣ, который совершился въ польскомъ обществѣ, о искреннемъ и энергичномъ

осужденіи политики заговоровъ и возстаній, о програмѣ органическаго труда. Эти новыя идеи нѣкоторые развивали на почвѣ возненавидѣннаго католицизма, другіе на почвѣ положительной философіи пришедшей къ намъ тоже изъ »гнилаго« Запада, но такихъ, которые бы стремились къ какой то новой Подьшѣ воздвигнутой на началахъ православія — не было. Это именно доводило Аксакова до бѣшенной злобы. Прежде онъ насъ проклиналъ за возстанія, теперь видъ Польши спокойной, погруженной въ себя и въ тишинѣ, безъ шума, но всѣми силами защищающей вѣру и родной языкъ и при томъ пользующейся свободою въ Австріи — все это бѣсило его. Онъ началъ утверждать, что новая програма органическаго труда была дѣломъ новой польской интриги, несравненно болѣе опасной, чѣмъ заговоры и возстанія Съ этою цѣлью онъ написалъ длинную статью, въ маѣ 1883 года. Однимъ словомъ — плохо когда поляки возстаютъ съ оружіемъ въ рукахъ, но еще хуже, когда они сидятъ смирно и работаютъ. И опять рождался вопросъ: что дѣлать? какъ должна поступать Россія?

Аксаковъ не былъ политикомъ, но политическимъ мечтателемъ. Въ 1863 году онъ возмечталъ о какой то мужицкой Польшѣ, пожалуй даже православной, во всякомъ случаѣ проникнутой русскимъ духомъ — и намеками на эту любимую мечту онъ оканчивалъ, какъ мы видѣли, свои статьи. Теперь послѣ 17 лѣтъ замѣтивъ, что и католичество и шляхта все еще существали, онъ отказался отъ своихъ мечтаній и въ припадкѣ бѣшенства рѣшилъ мстить Польшѣ за то, что на перекоръ его желанію она смѣла существовать такой, какой ее создали столѣтія, т. е. католической и шляхетской. Съ пѣной у рта онъ не переставалъ уличать католицизмъ въ фанатизмѣ и инквизиціи и не замѣчалъ того что самъ ровно ни въ чемъ

не уступалъ Торквемадѣ и Арбуэсу, проповѣдуя съ чисто инквизиторскимъ рвеніемъ необходимость истребленія, или по крайней мѣрѣ окончательнаго порабощенія многомилліоннаго народа. »Обрусеніе Польши — восклицаетъ онъ съ отчаяніемъ (»Русь«, 15 Іюля 1883 г.) — конечно немыслимо, но нужно низвести Польшу на степень термина чисто этнографическаго и требовать отъ поляковъ полной покорности и признанія русскаго государственнаго начала, какъ и русскаго государственнаго языка.« И всѣ статьи »Руси« — это рядъ сѣтованій на снисходительность властей, это тоскливыя воспоминанія о благославенныхъ временахъ, когда Муравьевъ вѣшалъ въ Вильнѣ! Но увы, теперь въ Россіи нѣтъ людей достойныхъ нести знамя этого народнаго героя! Управленіе Патапова, который старался нѣсколько смягчить систему Муравьева въ Литвѣ, есть позоръ для Россіи, Аксаковъ повторялъ это при всякомъ случаѣ а въ злобномъ плеваніи на »Потаповщину« (его же выраженіе), заключался весьма прозрачный намекъ на тогдашнее управленіе Альбединскаго. За то редакторъ »Руси« представляетъ своимъ читателямъ Апухтина, какъ »достопочтеннаго« дѣятеля въ Варшавѣ, изверговъ католическаго духовенства, въ родѣ Сенчиковскаго и Малышевича, величаетъ »почтеннѣйшими«, епископовъ же. Гинтовта и Гриневицкаго, которые наказали этихъ »почтеннѣйшихъ« ксендзовъ, онъ производитъ чуть ли не въ государственныхъ преступниковъ. Однимъ словомъ, малѣйшая уступка полякамъ это преступленіе, потому что она »раздражатъ апетитъ« ненасытнаго народа. (Сочиненія, т. III стр. 616.)

Нѣтъ зрѣлища отвратительнѣе какъ палачь корчащій святошу. Таковъ былъ Аксаковъ. Постоянная тоска о Муравьевѣ и висѣлицѣ сопровождалась увѣреніемъ, что Россія, великая, святая, православная Россія, отмѣчающая каждый шагъ

свой въ исторіи распространеніемъ Божественнаго права на землѣ, любитъ Польшу, сочувствуетъ этому »живому талантливому народу«, только не можетъ вѣрить ему (ib. стр. 582). Россія слишкомъ много страдала черезъ него; она передъ нимъ ни въ чемъ не виновата, напротивъ поляки виноваты. »Понятно и естественно сожалѣніе, которое внушаетъ намъ къ себѣ цѣлое племя, вынуждающее насъ своимъ слѣпымъ безумiемъ наперекоръ нашему праву и обычаю держать его, такъ сказать, подъ замкомъ, со связанными руками« (ib. стр. 570). Мы же, слава Богу, не французы и не нѣмцы, поэтому »нашей русской природѣ претитъ и мерзитъ роль жандарма къ которой насъ вынуждаютъ Поляки« (ib. стр. 569). Однако, даже въ этой непріятной ролѣ Россія умѣетъ выказать возвышенность своей природы, и держа Польшу на привязи, благодѣтельствуетъ ей: Россія освободила ея крестьянъ; подъ владычествомъ ея развилась въ Польшѣ промышленность, создался богатый средній классъ (стр. 579). Аксаковъ забывалъ тутъ прибавить, что Россія дала еще Польшѣ желѣзныя дороги, телеграфы и телефоны, которыхъ не было въ царствованіе послѣдняго польскаго короля; но за то онъ сейчасъ же указывалъ на самое важное изъ всѣхъ благодѣяній, на введеніе государственнаго русскаго языка въ школѣ, въ управленіи краемъ и во всѣхъ областяхъ публичной жизни; »когда же этотъ языкъ войдетъ въ плоть и кровь поляковъ, то онъ освоитъ ихъ съ Россіей и Русскими и установитъ между ними братскія отношенія,« »... онъ расширитъ умственный горизонтъ Поляковъ, откроетъ имъ цѣлый новый родственный міръ и выведетъ ихъ изъ узкой племенной исключительности на просторъ чуждаго имъ до себѣ Славянства.« *)

*) Слова Аксакова (Сочин. Х. III. стр. 579—580) привожу въ сокращеніи.

Не смотря на то, мы не требуемъ отъ нихъ благодарности: »благодарность, это благородное, возвышенное чувство, равняющее облагодѣтельствованнаго съ благодѣющимъ, свойственно лишь доблестнымъ природамъ и не подъ силу пока нравственной природѣ польской, искаженной іезуитской моралью« (ib ст. 582). »Эта католическая іезуитская этика насквозь прожгла спѣсивое, заносчивое, легкомысленное польское племя« (ib. стр. 581). Поэтому, вопреки нашей собственной природѣ, мы не можемъ довѣрять имъ; и не можемъ отдаться теперь нашему страстному желанію, нашей потребности вѣры; надѣляя ихъ благодѣяніями, мы должны »держать ихъ подъ замкомъ« этого требуетъ ихъ собственное благо (ib. стр. 581).

Все это писалъ Аксаковъ въ то время, когда свѣжа еще была память либеральнаго правленія Лорисъ-Меликова, предвѣщавшаго новую эру. Всѣ еще были подъ впечатлѣніемъ прекрасныхъ статей, появлявшихся отъ времени до времени въ »Голосѣ«, въ »Порядкѣ«, въ »Молвѣ« и въ »Странѣ«, въ которыхъ говорилось о необходимости примиренія съ Польшею на началахъ равноправности. Пыпинъ печаталъ въ »Вѣстникѣ Европы« свои прекрасные очерки о польскомъ вопросѣ въ русской литературѣ. Щедринъ, бичуя въ геніальныхъ сатирахъ всякую неправду въ Россіи, не забывалъ о »Ташкентѣ и ташкентцахъ« — такъ называлъ онъ несчастныя окраины государства, отданныя на жертву алчности и злобѣ чиновниковъ. Кавелинъ въ своемъ »Крестьянскомъ вопросѣ« открывалъ широкій кругозоръ будущаго Россіи какъ крестьянскаго государства, въ »Задачахъ же этики«, онъ, казалось, пытался воскресить старое ученіе Канта о нравственномъ императивѣ, чтобы съ помощью его разбудить нравственныя силы великана и толкнуть ихъ къ воздвиженію зданія на

основахъ всеобщей справедливости. Молодой Вл. Соловьевъ, мечтая о »свободной теократіи«, этой идеальной формѣ будущаго общественнаго быта, совершалъ поворотъ въ славянофильствѣ въ духѣ истиннаго пониманія христіанства, вдохновенное же краснорѣчіе его университетскихъ лекцій привлекало каждаго, въ чьемъ сердцѣ пылало стремленіе къ идеалу. Левъ Толстой издавалъ свою »Исповѣдь«, которой суждено было потрясти и возвысить лучшіе умы, не только въ Россіи но и въ цѣломъ мірѣ. Всѣмъ же честнымъ помысламъ и стремленіямъ благословлялъ изъ Парижа маститый Тургеневъ и его свѣтлый благородный обликъ, изрытый слѣдами высокихъ думъ, казался какъ бы символомъ будущей возрожденой Россіи, проникнутой мыслью о томъ христіанскомъ призваніи, которое возвѣщали мечты ея лучшихъ сыновъ.

Низменныя чувства и слѣпая злоба Аксакова заглушали эту гармонію. Между тѣмъ »Русь« была оракуломъ въ тѣхъ кругахъ, которые рядили о судьбѣ Россіи. Какое горестное разочарованіе охватывало насъ молодыхъ, прибывшихъ въ Петербургъ довершать наше образованіе въ тамошнемъ университетѣ. Подъ вліяніемъ лекцій лучшихъ професоровъ и находясь въ постоянномъ общеніи съ лучшими произведеніями русской литературы и журналистики мы мечтали о близкомъ окончаніи историческаго славянскаго спора! У каждаго изъ насъ были свои »друзья москали« и каждый готовъ былъ вѣрить, что вотъ уже разсвѣтаетъ заря и на историческое поприще взойдетъ новая, нравственно возрожденная Россія, дарующая справедливость и миръ покореннымъ ею когда то народамъ. Дѣятельности Каткова мы не принимали въ разсчетъ, мы понимали, что совершенное единогласіе мнѣній не осуществимо, и что должны являться люди, и даже партіи, утверждающія, что польза государства требуетъ нало-

женія крѣпкихъ оковъ на порабощенныхъ иноземцевъ.

Но Аксаковъ вносилъ съ собою новую атмосферу и новое смятеніе въ русскую совѣсть. Человѣкъ, которому самые отъявленные враги признавали искренность, честность и чистоту намѣреній, который былъ наслѣдникомъ учителей славянофильства, представителемъ и неутомимымъ апостоломъ историческаго идеала Россіи, этотъ человѣкъ, во имя этого идеала, во имя любви и закона Христова, съ яростью, которой не зналъ даже Катковъ, возвѣщалъ необходимость растоптанія побѣжденной Польши. Слова же его снискивали могущественныхъ союзниковъ въ правящихъ сферахъ и горячихъ приверженцевъ въ обществѣ. Мечты и стремленія людей составлявшихъ славу Россіи разсѣевались въ прахъ. Безсильная злоба бушевала въ нашихъ сердцахъ, глаза наполнялись слезами, слезами той скорби, которую въ каждой нелишенной благородства душѣ возбуждаетъ зрѣлище, представляемое паденіемъ достоинства человѣческой природы, ея испорченностью и низостью. И горестно было не только то, что мечты наши не осуществлялись, но то, что онѣ развѣвались такимъ страшнымъ образомъ, что этотъ русскій идеализмъ, въ существованіе котораго мы желали вѣрить, вмѣсто того, чтобы устремлять народъ къ высотамъ правды и справедливости, умѣлъ низводить его въ грязь ненависти, превозглашая, что эта грязь и есть именно тотъ идеалъ, который Господь Богъ завѣщалъ своему возлюбленному народу. Какая же низость, какія бездны грубыхъ, животныхъ влеченій заключались еще въ русской душѣ, если ученіе Аксакова могло проникнуть въ ея глубину!

Да, низость! Это не слишкомъ сильное слово. — »Низкимъ,« пишетъ епископъ Краснинскій, »мы

называемъ человѣка, въ которомъ нѣтъ даже чувства нравственной доблести, который лишенъ способности вознестись къ чему нибудь высокому и едва достоенъ называться человѣкомъ. Отъ подлаго онъ отличается тѣмъ, что онъ не въ состояніи руководиться благородными помыслами, которые и не отозвались въ душѣ его; подлый же человѣкъ готовъ для личныхъ выгодъ жертвовать правдой, справедливостью и даже совѣстью!« И такъ Катковъ былъ подлъ, когда утверждалъ, что русскій нигилизмъ есть продуктъ польской интриги, отлично зная что это ложь; онъ былъ подлъ, потому что для удовлетворенія личной страсти »жертвовалъ правдой, справедливостью и даже совѣстью«! Низокъ же былъ Аксаковъ, когда съ идеаломъ возлюбленной Богомъ, христіанской и православной Россіи на устахъ и въ сердцѣ, онъ не только училъ, какъ мучить и топтать Польскій народъ, но съ умиленіемъ доказывалъ, что лишеніе Поляковъ ихъ прирожденныхъ естественныхъ правъ и всякое вообще притѣсненіе должно считать благодѣяніемъ. Вѣдь запрещая употребленіе польскаго языка въ школахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и въ публичной жизни и замѣняя его государственнымъ русскимъ языкомъ »мы выводимъ поляковъ изъ узкой племенной исключительности на просторъ Славянства, мы даемъ имъ возможность освоиться съ Россіей и Русскими и войти съ ними въ братскія отношенія«. (См. выше.) Онъ былъ низокъ, когда писалъ это, ибо эти слова свидѣтѣльствали, что въ душѣ его не было даже чувства нравственной доблести и что онъ »едва достоинъ называться человѣкомъ«. Презирая подлаго, мы еще можемъ надѣяться, что онъ исправится, когда намъ удастся доказать ему, что справедливость не вредитъ его интересамъ. Низкій же человѣкъ останется низкимъ, потому что благородное чувство, »благородные

помыслы можетъ быть и не отозвались въ душѣ его«.

Искренность рядомъ съ лицемѣріемъ низость рядомъ со стремленіемъ къ идеалу — какое уродливое, невѣроятное сочетаніе противорѣчій въ душѣ человѣка! Таковъ однако былъ Аксаковъ. Подобной ему личности мы нигдѣ не встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ въ нашемъ столѣтіи. Вотъ, почему я считаю его типомъ чисто русскимъ, продуктомъ русской исторіи Но этимъ я не хочу оскорблять русскаго народа. Великій Левъ Толстой есть тоже чисто русскій типъ и тоже продуктъ ру. ской исторіи. Въ каждомъ народѣ рядомъ съ свѣтлыми и доблестными личностями, мы встрѣчаемъ нравственныхъ уродовъ, въ которыхъ воплотились дурныя его свойства

Аксаковъ умеръ въ 1885 г., Катковъ въ 1887. Трупы ихъ давно истлѣли, но изъ этой гнили образовались мязмы и отравили воздухъ Россіи. И въ этой отравленной атмосферѣ воспиталось цѣлое поколѣніе; не удивительно, что оно въ ней теряло нравственное здоровье и силы. При жизни Катковъ и Аксаковъ имѣли, какъ я сказалъ выше, могучихъ противниковъ, но послѣ смерти они стали кумирами общественнаго мнѣнія. Правда, Левъ Толстой все стоитъ на сторожѣ нравственнаго достоинства, найдутся еще и другіе, но въ этой группѣ мы почти не видимъ молодыхъ и протестъ ихъ противъ одичанія, въ которомъ погрязла Россія, раздается все слабѣе и всѣ рѣже.

III.

Политика Александра III.

Въ здоровомъ обществѣ, великое зло должно вызвать великое добро, какъ естественную реакцію. Нашлись и въ Россіи люди, осмѣлившіеся протестовать противъ того брака Катковской государственности съ Аксаковскимъ славянофильствомъ, результатомъ котораго было изуродованіе ученія первыхъ славянофиловъ и возведеніе благоговѣнія передъ государствомъ и его хищническими и истребительными стремленіями на высоту религіознаго догмата. Среди славянофиловъ мы видѣли двухъ протестующихъ: Ореста Миллера и Владиміра Соловьева. Но слова ихъ и въ сотой доли не противодѣйствовали пагубному вліянію Аксакова.

Орестъ Миллеръ, профессоръ русской литературы въ петербургскомъ университетѣ, скромный труженикъ науки, былъ человѣкъ голубиной чистоты чувствъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ; но онъ не отличался значительнымъ талантомъ и по этому вліяніе его было ничтожно. Въ 1887 г. вскорѣ послѣ смерти Каткова, онъ съ университетской каѳедры осудилъ всю дѣятельность покойнаго писателя, протестуя въ словахъ полныхъ благороднаго негодованія противъ отождествленія будто русскихъ стремленій Каткова съ ученіемъ старыхъ славянофиловъ, къ которымъ почтенный профессоръ причислилъ себя. За эту рѣчь появившуюся въ мало извѣстной газетѣ »Русскій Курьеръ«, Орестъ Миллеръ получилъ отставку. Происшествіе это надѣлало немного шуму, который вскорѣ притихъ; Миллеръ не вынесъ горечи, которую вызывало въ немъ паденіе въ грязь шовинизма и реакціи тѣхъ началъ первобытнаго сла-

вянофильства, которыя были факеломъ его жизни и вскорѣ затѣмъ онъ скончался отъ удара сердца.

Владиміръ Соловьевъ значительно превзошелъ Ореста Миллера размѣрами таланта. Сначала горячій послѣдователь ученія славянофиловъ, онъ отшатнулся отъ нихъ по той же самой причинѣ и сталъ въ ряду смѣлыхъ очерковъ разоблачать тѣ слабыя стороны ученія, которыя дали поводъ къ ложнымъ и несогласнымъ съ христіанскимъ духомъ толкованіямъ. Затѣмъ онъ высказалъ и мотивировалъ ту прекрасную мысль, что идея христіанскаго призванія Россіи можетъ быть состоятельна и плодотворна только тогда, »когда это призваніе берется не какъ мнимая привилегія, а какъ дѣйствительная обязанность, не какъ господство, а какъ служеніе«, что слѣдовательно Россія »желая сохранить свою душу должна исполнить свои христіанскія обязанности, составляющія »единственное опредѣленное начало въ политикѣ«, въ числѣ же этихъ обязанностей одна изъ главныхъ состоитъ въ разрѣшеніи Польскаго вопроса въ духѣ любви и мира. Слѣдуя по томуже направленію и глубоко вѣруя въ необходимое и спасительное вліяніе религіи на общество, онъ приходилъ къ заключенію, что главнымъ условіемъ нравственнаго оздоровленія Россіи, является исправленіе ея церковнаго строя; путемъ же ведущимъ къ этому можетъ быть только соединеніе съ римско-католическою церковью и признаніе папы главою всѣхъ вѣрующихъ. Взгляды эти, высказываемые въ сочиненіяхъ его съ воинственнымъ задоромъ, философской глубиной и мистическимъ огнемъ производили весьма сильное впечатлѣніе, но только своею оригинальною смѣлостью, въ глубину общественнаго сознанія они не проникали, и результатъ былъ таковъ, что всѣ славянофилы отшатнулись отъ Соловьева и этотъ писатель, чтобы

не быть совсѣмъ обособленнымъ и лишеннымъ вліянія, примкнулъ къ агностическому либерализму, равнодушному къ столь дорогимъ для него религіознымъ стремленіямъ.

Конечно, не можетъ быть рѣчи о какой либо симпатіи къ католицизму со стороны либеральныхъ приверженцевъ разныхъ философскихъ стремленій современной мысли. Но еслибъ мы допустили — хотя это тоже мечта, однако немного менѣе неправдоподобная — что славянофильская и сознающая потребность вѣры Россія согласилась съ мнѣніемъ Соловьева и признала главенство папы, то и въ такомъ случаѣ мы не имѣли бы права основывать на этомъ нашихъ надеждъ на перемѣну отношеній Россіи къ полякамъ. Пропаганда Каткова и Аксакова слишкомъ глубоко проникла въ совѣсть такъ называемыхъ славянофиловъ, чтобы спасительное вліяніе церкви могло ее скоро преобразить. Въ доказательство вышесказаннаго пусть послужитъ слѣдующій фактъ, почерпнутый изъ личныхъ моихъ воспоминаній. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ въ 1887 или 1888 г., я провелъ однажды вечеръ въ кругу писателей у покойнаго почтеннаго профессора Незеленова. Рѣчь зашла о католическихъ симпатіяхъ Соловьева. Когда одинъ изъ собесѣдниковъ выразилъ по этому поводу свое возмущеніе, извѣстный даровитый поэтъ, занимающій въ настоящее время высокую должность при дворѣ вдовствующей императрицы, сталъ защищать взглядъ Соловьева. Спокойно, убѣдительно, не прибѣгая къ паѳосу, съ внутреннимъ жаромъ и соотвѣтствующимъ этому краснорѣчіемъ, онъ началъ доказывать не только необходимость соединенія церквей, но даже признанія папы видимымъ намѣстникомъ Христа на землѣ. Я былъ пораженъ, восхищенъ широтой воззрѣнія, краснорѣчивостью и наконецъ симпатичною внѣшностью

поэта. Большая часть присутствующихъ потакала ему. Ободренный такимъ безпристрастьемъ въ толкованіи того догмата нашей религіи, который, какъ мнѣ казалось, долженъ былъ быть особенно противенъ православнымъ русскимъ, я обратилъ вниманіе на политическіе взгляды Соловьева. Но тутъ вдругъ воодушевленіе исчезло. Поэтъ преобразился въ сотрудника »Московскихъ Вѣдомостей«. Повторяя то, чѣмъ Катковъ и Аксаковъ впродолженіе столькихъ лѣтъ кормили умы и мысли народа, онъ сталъ сѣтовать на недостатокъ патріотизма у русскихъ, на мнимую склонность ихъ къ уступкамъ въ пользу чужеземныхъ подданыхъ. Вмѣсто того чтобы управлять окраинами, — говорилъ онъ, — мы становимся покорными исполнителями желаній мѣстнаго населенія и даже орудіемъ ихъ интригъ, вслѣдствіе этого сочиненія Соловьева, посвященныя національному вопросу въ Россіи, могутъ только вызвать пагубный для Русскихъ упадокъ патріотизма и, если принять во вниманіе, что мы уже дали иноплеменцамъ больше чѣмъ были вправѣ дать, то дальнѣйшія уступки принесли бы только вредъ нашему авторитету и достоинству. — Однимъ словомъ вѣрованіе въ непогрѣшимость папы не помѣшало этому человѣку, одному изъ выдающихся и образованнѣйшихъ въ Россіи, быть глашатаемъ притѣсненія и ненависти и сотрудникомъ Каткова.

Это ничтожный, но очень характеристическій примѣръ. Несравненно важнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ прискорбнѣе для насъ теперь, для Россіи же въ будущемъ, то обстоятельство, что идеи Каткова и Аксакова стали руководящимъ принципомъ внутренней политики въ царствованіе Александра III. Политику эту можно опредѣлить какъ синтезъ политики Николая I и Александра II, обдуманный Катковымъ и Аксаковымъ, принятый же и про-

веденный съ возмутительнымъ но и неподражаемымъ лукавствомъ совѣтниками государя. Систему правленія Николая I справедливо наименовали политикой офиціальной народности.*) Она превозглашала безусловное благоговѣніе передъ идеей самодержавія какъ основного принципа русской исторіи и передъ личностью государя, какъ выразителя и руководителя народнаго духа. Спокойствіе и внутреннее благосостояніе, единство, сила, могущество и величіе Россіи противополагались внутреннимъ раздорамъ Европы, раздробленной на партіи и угрожаемой постояннымъ призракомъ кроваваго переворота, и выставлялись какъ блестящій результатъ всесовершенныхъ принциповъ легшихъ въ основаніе историческаго развитія Россіи. Николай зналъ чего желалъ и умѣлъ проводить свою волю съ неумолимою послѣдовательностью. Онъ расточилъ мелочную и всестороннюю государственную опеку надъ всѣми областями и проявленіями жизни и дѣятельности своихъ подданыхъ. Правительство за нихъ думало, за нихъ неутомимо заботилось о ихъ благосостояніи, пусть же они довѣряютъ ему и сидятъ спокойно; имъ нечего думать, нечего разсуждать, нечего даже восхвалять благодѣтельную дѣятельность правительства. Правительство не нуждается въ похвалахъ, въ поощреніи и помощи подданныхъ, оно выше всего этого, оно знаетъ чего хочетъ, что ему дѣлать и какъ дѣлать. Исторія тогдашней русской цензуры представляетъ неисчерпаемый кладъ фактовъ, свидѣтельствующихъ къ какимъ безсмыслицамъ приводило послѣдовательное примѣненіе Николаевской системы ко всякимъ мелочамъ.

---

*) См. Пыпинъ: Характеристики литературныхъ мнѣній въ Россіи. СПБ.

Ѳаддей Булгаринъ, обрусѣвшій полякъ, бывшій наполеоновскій офицеръ, затѣмъ литераторъ, хорошій знакомый Мицкевича, вконцѣ редакторъ »Сѣверной Пчелы« — единственной русской газеты бывшей на хорошемъ счету у цензоровъ, — воспѣлъ однажды, по поводу какаго то правительственнаго распоряженія самый восторженный диѳирамбъ. Его сейчасъ же пригласили къ генералу Дуббельту, помощнику шефа жандармовъ: »Чего ты разлюбезничался,« встрѣтилъ его генералъ, »съ какой стати вздумалъ писать коментаріи къ высочайшимъ распоряженіямъ? Правительство обойдется безъ твоихъ похвалъ. Что приказано то и быть должно.« — »О чемъ же мнѣ писать, ваше превосходительство?« — »Театръ, выставки, толкучка, гостиный дворъ, трактиры, кондитерскія,« отчеканилъ Дуббельтъ, »вотъ твоя область, и дальше ея не смѣй ни шагу.« *) — Что касается театровъ, стоитъ припомнить, что въ то время запрещено было критиковать игру артистовъ въ императорскихъ театрахъ, такъ какъ они считались на казенной службѣ.

Кримская война обнаружила ничтожество этой системы. »Снаружи блескъ, внутри гниль«, выразился въ то время одинъ изъ сановниковъ. Александръ II рѣшилъ пойти по другой дорогѣ, вводя рядъ либеральныхъ реформъ: освобожденіе крестьянъ, всеобщую воинскую повинность, городское самоуправленіе, земства. Но все это, вмѣсто того чтобы прикрѣпить общество къ правительству узами благодарности, вызывало почти всеобщее раздраженіе не только среди реакціонеровъ, что было понятно, но даже среди передовыхъ людей и вольнодумцевъ. Лишенная свободы въ предыдущее

*) Записки П. Каратыгина; Русскій Вѣстникъ, 1882. № 5.

царствованіе общественная мысль, почувствовавъ себя на просторѣ, сломала теперь, въ порывѣ радости, воздвигнутыя для нея преграды и наводнила Россію широкимъ потокомъ надеждъ и требованій, о которыхъ не мечтали даже самые смѣлые государственные реформаторы. Долголѣтній гнетъ николаевской эпохи развилъ среди мыслящей части общества такое недовѣріе къ правительству, подозрѣваемому въ лицемѣріи, что необходимымъ условіемъ для писателя, желавшаго пріобрѣсть славу и популярность было рѣзко наступательное опозиціонное отношеніе къ властямъ. Это въ свою очередь вызывало реакцію со стороны правительства, отсюда новое раздраженіе общества и т. д. безъ конца. Результатомъ такого положенія дѣлъ былъ революціонный нигилизмъ, который располагая рядомъ блистательныхъ представителей въ литературѣ и неустрашимыхъ исполнителей въ практической дѣятельности сталъ на извѣстное время грозною силою и имѣлъ свою минуту торжества въ день трагической кончины Александра II.

Въ виду такихъ обстоятельствъ съ новымъ воцареніемъ должна была конечно наступить новая реакціонная эпоха. Но послѣ относительной свободы, какою пользовалось общество въ царствованіе Александра II, внезапное возвращеніе къ безпощадному николаевскому абсолютизму было врядъ ли возможно. Что же дѣлать? И вотъ тогда то именно и началось господство той злосчастной идеи, рожденной отъ брака Катковской государственности съ Аксаковскимъ православно-русскимъ мистицизмомъ. Идею эту осуществили люди ставшіе во главѣ правительства съ макіявелліевскимъ лукавствомъ, источникомъ котораго было глубокое пониманіе и отличное умѣніе воспользоваться всѣми отрицательными качествами русскаго характера. Можно предположить, что новые совѣтники пре-

стола разсуждали приблизательно такимъ образомъ: Катковъ правъ, слѣдуетъ воскресить николаевскій абсолютизмъ; но стремясь къ этой цѣли по прямому пути, безъ колебаній и уклоненій, необходимо однако поступать такъ, чтобы само общество помогало намъ въ этомъ, чтобы починъ шелъ отъ него. Пособниками въ этомъ дѣлѣ будутъ намъ обоготворенные Аксаковымъ православно-русскіе мессіаническіе инстинкты; и такъ будемъ упразднять реформы прошлаго царствованія, ограничимъ кругъ дѣятельности земствъ, будемъ держать общество въ тискахъ и чутко слѣдить съ помощью тайной и явной полиціи за каждымъ его шагомъ. Сдѣлаемъ однако необходимую уступку двадцатипятилѣтнему преданію либеральнаго правленія Александра II и даруемъ имъ то, чего они лишены были въ царствованіе Николая: дозволимъ печати восхвалять каждый нашъ шагъ, дозволимъ ей даже перещеголять насъ въ указанномъ нами направленіи; притомъ воздвигнемъ на окраинахъ знамя православія и обрусенія, направимъ туда всѣ безпокойныя силы и надѣлимъ ихъ въ этой области безграничной свободой дѣйствій. Однимъ словомъ, николаевскій абсолютизмъ, смягченный свободой офиціальнаго патріотизма т. е. свободой восхвалять власти и оказывать имъ содѣйствіе словомъ и дѣломъ въ уничтоженіи либерализма внутри государства, а иноплеменныхъ элементовъ на окраинахъ — таковъ тотъ синтезъ Николая I съ Александромъ II, который создало царствованіе Александра III.

Результатъ былъ изумительно блестящій. Я думаю, онъ превзошелъ даже ожиданія иниціаторовъ этого направленія. Печать бросилась съ бѣшенствомъ на несчастныя окраины. За печатью пошло общество, быть можетъ не все, но все таки значи-

тельная часть его. Мы знали либераловъ почти революціонно настроенныхъ въ царствованіе Александра II, направившихъ теперь всю страсть свою на обрусеніе окраинъ и не сознававшихъ даже происшедшей въ нихъ перемѣны; они были искренно убѣждены, что притѣсняя консервативныхъ барономъ и пасторовъ въ остзейскомъ краю, помѣщиковъ же и ксендзовъ въ Литвѣ, они находили самое лучшее примѣненіе для своихъ либеральныхъ стремленій. И это чудовище шовинизма обезглавило революціонную гидру; она умолкла, но на долго ли?... Въ печати начался крикливый аукціонъ патріотической подлости. »Раздавимъ поляковъ« вопили »Московскія Вѣдомости«. — »Это заповѣдь нашей вѣры и нашего Бога,« прибавляла »Русь« съ жаромъ вдохновленнаго экстаза. — »Истребимъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ разсадникъ нѣмецкой культуры», кричали въ одинъ голосъ всѣ газеты. — »Финландія пользуется конституціей,« выло »Новое Время«, »долой ее, долой автономію шведовъ и финновъ, Россія для русскихъ.« — »Грузины на Кавказѣ не забыли объ утраченной независимости, усмирить ихъ!« подхватывалось съ другой стороны. — »И ормяне подымаютъ голову,« прибавлялъ кто то. — »На Волыни есть чехи-католики, не надо терпѣть этой латинской заразы,« гласили поповскія газеты. — »Надъ Байкаломъ,« ревѣлъ Комаровъ въ »Свѣтѣ«, желая превзойти всѣхъ, »есть нѣсколько десятковъ тысячъ буріятъ, исповѣдующихъ буддизмъ. Буддизмъ опасенъ государству, послать туда миссіонеровъ и полицію пусть припишутъ ихъ къ православію!« — »Да что Будда,« гремѣлъ отовсюду единомышленный хоръ, въ которомъ послѣ смерти Каткова и Аксакова тотъ же Комаровъ исполнялъ обыкновенно должность капельмейстера, »а католицизмъ, а іезуитская интрига, а резуррекціонисты, а унія! истребить ихъ! вотъ наша

цѣль, наше историческое призваніе и наша слава. Гдѣ правительство? что оно дѣлаетъ? есть упорствующіе въ Забужьи, переодѣтые іезуиты вѣнчаютъ ихъ тайкомъ; расторгнуть эти браки! мужей въ Сибирь, женъ на югъ, дѣтей отобрать и воспитать въ православіи!« — Послушное въ такихъ случаяхъ правительство, дѣлало все, что ему диктовала печать; оно не съумѣло однако поладить съ упорствующими. Народъ этотъ, экономически разоряемый, истязаемый то въ тюрмахъ, то козацкими нагайками, замораживаемый въ прудахъ въ зимнія стужи, держался вѣры отцовъ. — »Нѣтъ сильной власти,« хныкали тогда многіе, ибо въ этой честной компаніи, рядомъ съ воемъ нападающей авангарды, часто слышалось сентиментальное всхлипываніе святошей, »мы бѣдные, кроткіе, безсильные, поддаемся во власть польско-іезуитской интригѣ.«

Что въ виду этого дѣлала либеральная пресса? Лучшія газеты перестали существовать, прозябали только «Новости« въ Петербургѣ, »Русскія Вѣдомости« въ Москвѣ; но ихъ либерализмъ былъ чисто отрицательный, онъ состоялъ только въ непрининаніи участія въ травлѣ противъ окраинъ.

Грязь этой подлости залила всю Россію и покрыла ее грязнымъ, однообразнымъ патріотическимъ лоскомъ. Это дало ей въ глазахъ всего міра видъ какой то могучей сплоченности и единомыслія. Грязь эта залила и поглотила нигилизмъ, но вмѣстѣ съ этимъ она уничтожила много полезныхъ вещей, всѣ общественныя добродѣтели, благородство, безпристрастіе, терпимость, смѣлость убѣжденій, привязанность къ идеѣ, нравственную инціативу. — За то государственные создатели этого направленія могли торжествовать: »снаружи былъ блескъ«, нигилизмъ притихъ, весь свѣтъ дрожалъ передъ Россіей, Франція и Пруссія лежали у ея ногъ, и сановники руководившіе судьбами

Россіи, казалось, неимѣли надобности спрашивать, какую это сулитъ будущность колоссу, стоящему на гнилыхъ идеяхъ Каткова и Аксакова и насыщенному привитою ими подлостью, можетъ ли имѣть прочность могущество добытое цѣною всеобщаго растлѣнія чувствъ?

И мы этого не знаемъ. Знаемъ однако и видимъ то, что тринадцатилѣтніе подвиги этихъ сановниковъ, подвиги продолжающіеся къ несчастію и нынѣ, привели Россію къ такому нравственному и умственному упадку, какого прежде никогда не бывало. Николай I, впродолженіи тридцати лѣтъ, тушилъ всякое проявленіе самостоятельной мысли; онъ имѣлъ подъ рукою цѣлую армію хорошо вышколенныхъ цензоровъ, строгость и подозрительность которыхъ доходила до предѣловъ нелѣпости, о которой сегодня трудно себѣ составить понятіе. Однако мысль была свободнѣе и сильнѣе желѣзной воли царя, сильнѣе цензорскаго гнета и уловокъ, и произошелъ тотъ удивительный фактъ, что въ исторіи русской мысли именно эпоха царствованія Николая I была самая блистательная. Пушкинъ и Лермонтовъ царили въ поэзіи, Гоголь въ области романа, Бѣлинскій въ критикѣ, славянофилы и западники въ публицистикѣ и философіи. Въ тоже царствованіе Николая начинали свои творческіе труды тѣ, которымъ русская литература обязана своей европейской славой: Тургеневъ Достоевскій, Левъ Толстой, Щедринъ. Всѣ они воспитались въ атмосферѣ николаевскаго гнета и она не отравила ихъ, даже не ослабила; на оборотъ, возбудила въ нихъ желаніе борьбы и первый ихъ шагъ былъ протестомъ противъ притѣсненій. Сколько же новыхъ и блестящихъ силъ появилось, когда со вступленіемъ на престолъ Александра II повѣялъ вѣтеръ свободы! Гдѣже мы видимъ теперь тѣхъ, которые моглибы ихъ замѣнить? Кто выражаетъ въ на-

стоящее время независимость и идеальныя стремленія русской мысли? Левъ Толстой уже старикъ, стоящій надъ гробомъ, Владиміръ Соловьевъ принадлежитъ къ эпохѣ Александра II, развѣ князь Ухтомскій; но онъ сдѣлалъ слишкомъ мало, притомъ онъ одинъ или почти одинъ, а тогда же ихъ былъ цѣлый сонмъ!

Недавно въ Петербургѣ, въ собраніи государственныхъ людей, стоящихъ у кормила правленія, шелъ споръ о Польскихъ дѣлахъ. Варшавскій генералъ губернаторъ, слѣдуя голосу здраваго разсудка, возставалъ противъ самой нелѣпой изъ уродливостей системы обрусенія, противъ преподаванія польскаго языка польскимъ дѣтямъ и юношамъ — по русски! Тогда вліятельнѣйшій изъ собесѣдниковъ, тотъ именно, въ которомъ сочетаніе идей Каткова и Аксакова нашло свое воплощеніе, изволилъ замѣтить, что »въ виды правительства никоимъ образомъ не входитъ обращеніе поляковъ въ русскихъ при посредствѣ школы, но въ тоже время русская государственная власть не можетъ не считать себя представителницей господствующей народности, не можетъ не заботиться о водвореніи среди всѣхъ своихъ подданныхъ, независимо отъ ихъ происхожденія, правильныхъ взглядовъ на русскую жизнь — правды о русскомъ народѣ, его прошедшемъ и настоящемъ«. Всемогущій толкователь Аксакова не досказывалъ его мысли; онъ не прибавилъ словъ Аксакова, что эта правда о русскомъ народѣ »освоитъ поляковъ съ русскими и установитъ между ними братскія отношенія«. Можетъ быть чувство стыда останавливало его передъ провозглашеніемъ нелѣпости, въ которую онъ, какъ человѣкъ нелишенный здраваго разсудка, не могъ вѣрить. Но представитель департамента законовъ государственнаго совѣта, братъ славнаго драматическаго писателя, Островскій, не зналъ въ этомъ

отношеніи никакихъ сомнѣній. »Правда о Россіи«, распространяемая въ школахъ, должна по его мнѣнію наполнить инородческое населеніе »духомъ, идеями русской народности«. »Въ этой области,« говорилъ онъ, »языкъ является несомнѣнно наиболѣе энергическимъ орудіемъ, ибо онъ есть нетолько способъ передачи мыслей и свѣдѣній, но и носитель народнаго духа, нравственнаго очертанія націи, въ каждомъ словѣ котораго заключается частица этого духа.« Прекрасно. Но чтоже изъ этого слѣдуетъ? Что польское юношество для того чтобы узнать »правду о Россіи« и узнавъ, полюбить ее и проникнуться »русскимъ народнымъ духомъ«, должно учиться польской грамматикѣ по русски, или говоря офиціальнымъ языкомъ обоихъ сановниковъ нада отослать въ комисію предложеніе Варшавскаго генералъ губернатора.

Teneatis risum! Почему эти представители святаго православія и славянскаго византійства не имѣли смѣлости выразить мысль свою прямо, такъ какъ бы это сдѣлалъ Катковъ или Бисмаркъ? Почему они не сказали, что нельзя даже допустить преподаванія польскаго языка по польски, потому что это могло бы сдѣлать проломъ въ плотныхъ стѣнахъ обрусенія? Почему они въ рѣчахъ своихъ прибѣгли къ сентиментальной фразеологіи Аксакова о »русской правдѣ«, о »русскомъ народномъ духѣ«, о »языкѣ носителѣ этого духа«? Развѣ не для того, чтобы мы могли лучше узнать лицемѣріе ихъ душъ? Слова ихъ просуществуютъ столѣтія. Пусть знаютъ будущія поколѣнія, что въ концѣ XIX ст. во главѣ русскаго государства стояли люди, которые увѣряли государя и общественное мнѣніе, что они стремятся къ тому, чтобы польскій народъ узналъ »правду о Россіи«, и проникнулся »русскимъ народнымъ духомъ« и между тѣмъ для достиженіа этой цѣли они не только попирали

прирожденныя права этого народа, но еще съ какой то извращенной чувственностью издѣвались надъ нимъ, дразня его сладостью его родной рѣчи подносимой ему »по русски«! Такова ли »правда о Россіи«?

IV.

Б. Н. Чичеринъ.

Я не желаю, чтобы моимъ перомъ руководила только горечь и злоба. Правда, смотря на нравственное одичаніе современной Россіи, мы могли бы радоваться сознаніемъ, что хотя много зла и у насъ, хотя мы имѣемъ Дашинскихъ и Стояловскихъ въ Галиціи, и польскихъ почитателей Муравьева въ Литвѣ, мы все таки далеки отъ той бездны гадости, въ которой погрязла русская шовинистическая печать, потащивъ за собою значительную часть общества. Но вмѣсто такой пустой и безплодной радости стоитъ лучше взглянуть на тѣ свѣтлыя проявленія русскаго духа, которыя допускаютъ надежду на лучшее будущее.

Выше было сказано, что въ здоровомъ обществѣ великое зло должно вызвать, какъ реакцію, великое добро. И вотъ именно въ наши дни, въ эпоху окончательнаго торжества государственнаго шовинизма, раздался противъ него протестъ самый сильный и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ благороднѣйшихъ въ числѣ тѣхъ, которые по временамъ возникали въ русскомъ обществѣ.

Но къ сожалѣнію объ этомъ протестѣ слишкомъ мало знаютъ, такъ какъ онъ не появился ни на столбцахъ газеты, ни въ брошюрѣ, но въ серьезномъ научномъ трудѣ: »Курсъ государственныхъ наукъ«, въ третьемъ его томѣ, состоящемъ

изъ 55 страницъ и спеціально посвященномъ политикѣ. Авторъ этого сочиненія, извѣстный юристъ и философъ, Борисъ Чичеринъ, бывшій профессоръ государственнаго права въ Москвѣ, состоялъ тамъ-же городскимъ головой во время коронаціи Александра III. На обѣдѣ, данномъ по этому поводу въ честь городскихъ головъ Россіи, Чичеринъ высказалъ привѣтственную рѣчь и поднесъ бокалъ за »единеніе всѣхъ земскихъ силъ для блага отечества«; при томъ онъ выразилъ надежду, что правительство призоветъ эти силы къ участію въ совокупномъ трудѣ, и, что съ ихъ помощью излѣчены будутъ внутреннія болѣзни Россіи. »Безъ общественной самодѣятельности,« говорилъ онъ, »всѣ реформы прошедшаго царствованія не имѣютъ смысла.« Всякій сочувственный намекъ на реформы Александра II считался уже тогда признакомъ неблагонадежности и въ рѣчи Чичерина усмотрѣли изъявленіе симпатіи къ идеѣ созванія всеобщаго земскаго собора, занимавшей покойнаго Александра II въ послѣдніе дни его жизни. Смѣлый ораторъ попалъ въ немилость; самостоятельность воззрѣній помѣшала ему пріобрѣсть то вліяніе и значеніе, на которое онъ заслужилъ.

»Политика,« такъ начинаетъ онъ свое сочиненіе, »есть наука о способахъ достиженія государственныхъ цѣлей.« Эти цѣли, совокупность которыхъ сводится къ понятію объ общемъ благѣ, были разсмотрѣны и выяснены авторомъ въ первой части его труда, въ »Общемъ государственномъ правѣ«. Но осуществленіе общаго блага совершается постепенно, завися отъ условій времени и мѣста. Въ виду этого рождается необходимость изслѣдованія разнообразныхъ общественныхъ элементовъ и интересовъ, съ которыми государство имѣетъ дѣло, и это составлятъ предметъ Науки объ Обществѣ, которой посвящена вторая часть

Курса государственныхъ наукъ. На конецъ Политика, изслѣдуя, какъ направить эти элементы къ осуществленію общаго блага — конечной цѣли государства — завершаетъ собою циклъ государственныхъ наукъ. Начало нравственности признается авторомъ высшимъ судьею въ политикѣ. »Государство,« разсуждаетъ онъ, »призванное осуществлять идею общаго блага по самой своей природѣ заключаетъ въ себѣ нравственное начало,« стремясь къ нравственной цѣли, оно очевидно должно употреблять нравственныя средства. »Какова бы ни была практика, что бы ни говорила исторія, чѣмъ бы ни обусловливался политическій успѣхъ,« наука должна признать эту истину, потому что »наука есть исканіе истины, а высшая человѣческая истина заключается въ идеальныхъ требованіяхъ«; признавъ же это, наука должна считать своею обязанностью раскрываніе чрезмѣрнаго зла, происходящаго отъ господствующаго нынѣ разлада между нравственностью и политической практикой. »Государственную силу можно конечно создать безнравственными средствами, но прочной гражданственности на этомъ основать нельзя и наука должна выяснить, что государственная сила сама по себѣ не есть цѣль, а лишь средство для упроченія внутренняго благосостоянія и разумной гражданственности, которой успѣхи измѣряются развитіемъ нравственныхъ требованій «

Не будучи ни юристомъ, ни политикомъ по спеціальности, я не рѣшаюсь разбирать воззрѣнія почтеннаго автора и не предлагаю здѣсь подробнаго изложенія содержанія его труда. Надѣюсь, что найдутся у насъ спеціалисты, которые познакомятъ насъ съ этимъ и другими сочиненіями выдающагося мыслителя. Въ предстоящемъ очеркѣ я постараюсь только представить въ цѣлости сужденія Чичерина о польскомъ вопросѣ, высказанныя

имъ въ различныхъ частяхъ его сочиненія по поводу разнообразныхъ вопросовъ затрогивающихъ область политики.

Всѣ воззрѣнія автора проистекаютъ изъ того основнаго принципа, что цѣль государства есть общее благо, которое оно обязано осуществлять нравственными средствами. »Иному народу,« пишетъ онъ, »можетъ быть выгодно притѣснять другихъ, но передъ нравственнымъ судомъ интересы притѣснителей стоятъ на одной доскѣ съ интересами воровъ и разбойниковъ.« На этомъ основаніи, раздѣлъ Польши былъ справедливо названъ однимъ изъ благороднѣйшихъ прусскихъ государственныхъ людей, барономъ Штейномъ, „ein abscheuliches politisches Verbrechen“.

Мнѣніе это не есть результатъ какого нибудь особеннаго полонофильства автора. Напротивъ, онъ сурово осуждаетъ наше прошедшее. Польша погибла по собственной винѣ; »она пала жертвой своего политическаго безсмыслія, такъ какъ она создала одну изъ худшихъ формъ правленія: монархію, въ которой власть короля ограничена была могуществомъ аристократіи. Эти двѣ власти, изъ которыхъ каждая имѣла притязаніе на первенство, присуждены были къ неизбѣжной постоянной взаимной враждѣ и борьбѣ, ибо не было между ними третьяго уравновѣшивающаго фактора«. Съ этой точки зрѣнія авторъ даетъ краткій очеркъ польской исторіи въ особенности послѣднихъ ея вѣковъ, до возстанія 1863 г. — »Могло казаться,« справедливо пишетъ онъ, »что въ 17 и 18 вѣкѣ единственная цѣль польской аристократіи состояла въ томъ, чтобы ослабить государство.« Неудивительно, что могущественные сосѣди заключали между собою формальные договоры, взаимно ихъ обязывавшіе къ поддержанію въ несчастной странѣ учрежденій, осуждающихъ ее на совершенное без-

силіе. Въ концѣ концовъ эти мнимые друзья раздѣлили между собою свою жертву. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы »политическая роль Польши была окончена«. »Народъ, жившій историческою жизнью, богато одаренный природою и одушевленный несокрушимой любовью къ отечеству, не исчезнетъ съ лица земли. Покоряясь внѣшней силѣ, польскій народъ сохранилъ свою духовную самостоятельность и съ нимъ придется еще считаться.« Эту мысль авторъ развиваетъ въ главѣ о территоріальной политикѣ. Размышляя о стремленіяхъ государствъ къ расширенію своихъ границъ, онъ выражаетъ сомнѣніе касательно существованія въ исторіи т. е. интеграціи, въ силу которой, по мнѣнію Спенсера, небольшія народности и государства постепенно растопляются въ большихъ конгломератахъ. »Все зависитъ,« разсуждаетъ Чичеринъ, »отъ характера силъ выступающихъ въ данный моментъ на первый планъ.« Въ наше время, начало народности нарушило равновѣсіе и содѣйствовало образованію громадныхъ государствъ, но то же самое начало рождаетъ въ порабощенныхъ народахъ стремленіе къ освобожденію. Напр. Россія легко завоевала ослабленную Польшу, однако преданіе прежней самостоятельности является непреодолимой помѣхой во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ народовъ. »Сліяніе можетъ значиться на бумагѣ, но на дѣлѣ Польша нынѣ болѣе чужда Россіи, нежели въ первое время присоединенія, когда тамъ была, по крайней мѣрѣ, русская партія; нынѣ эта страна представляетъ не болѣе какъ боевой пунктъ, удержаніе котораго едва ли не превышаетъ приносимыхъ выгодъ.« Мало того. Мелкія государства необходимы для общаго равновѣсія, для сохраненія мира. Въ былое время мелкія государства германскаго союза, были буферами между Франціей и Пруссіей; такимъ же буферомъ была

Польша для Пруссіи и для Россіи. Надо надѣяться, что со временемъ опять будетъ сознана необходимость такихъ мелкихъ державъ. »Тогда, можно думать возродится и Польша, которой исчезновеніе было несчастіемъ не только для нее самой, но и для европейскаго равновѣсія. Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда либо, между Россіей и Германіей необходимъ буферъ, также какъ между Германіей и Франціей. Этого требуетъ и здраво понятый интересъ Россіи, которой съ ея сто тридцати милiонным населеніемъ нечего опасаться слабаго сосѣда, имѣющаго вдобавокъ враждебную ему многомилiонную имперію съ другой стороны.« .. »Очевидно,« кончаетъ авторъ свою мысль, »все это вопросы болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго; много крови будетъ пролито прежде, нежели Европа придетъ къ сколько нибудь сносному справедливому порядку вещей; но задачи науки смотрѣть въ даль и стараться уловить общій ходъ вещей не довольствуясь мимолетными созданіями настоящей минуты.«

Авторъ питаетъ видимое отвращеніе къ Пруссіи какъ къ государству, которое послѣ побѣды надъ Австріей и Франціей стало угрожать равновѣсію и общему миру и вмѣстѣ съ милитаризмомъ гнетущимъ всю Европу осуществило цинизмъ силы передъ правомъ. Подъ вліяніемъ этого настроенія Чичеринъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что разгромъ нѣмецкаго государства составляетъ необходимое условіе оздоровленія политическихъ отношеній. Патріотическое чувство заставляетъ его закрыть глаза на то, что возростающее могущество Россіи является не менѣе грознымъ для блага человѣчества. Все таки онъ видитъ, что кромѣ преобладанія Пруссіи существуетъ еще славянскій вопросъ, который можетъ вызвать европейскую войну. Но что же составляетъ сущность этого вопроса,

если не стремленіе Россіи къ захвату славянскихъ земель? Къ этому заключенію приводятъ читателя разсужденія автора на стр. 99—103. Въ настоящее время есть двѣ славянскія державы: Австрія и Россія. Австрія принужденная лавировать между народностями, входящими въ ея составъ, даетъ славянамъ то, чего они нигдѣ не находятъ: »Свободное поприще національнаго развитія при относительной самостоятельности положенія.« Благодаря этому австрійское правительство успѣло пріобрѣсти приверженцевъ среди самихъ славянскихъ народовъ, сообразившихъ, что Австрія для нихъ необходима. »Это поняли даже поляки, которые въ своей исторіи менѣе всего выказывали политическаго смысла.« Теперь, въ сожитіи съ Австріей у нихъ вырабатывается этотъ смыслъ, и изъ ихъ среды выходятъ государственные люди. »Ничего подобнаго не представляетъ Россія. Какое бы сочувствіе мы не оказывали славянскимъ братьямъ, участь Польши не оставляетъ ихъ равнодушными, это они доказали на московскомъ съѣздѣ.« Вслѣдствіе польскаго вопроса »политика освобожденія славянскихъ народовъ поражена въ самомъ корнѣ своемъ внутреннымъ противорѣчіемъ, когда русское правительство шло освобождать болгаръ отъ турецкаго ига, и русское общественное мнѣніе увлекалось мыслью о войнѣ за угнетенныхъ братьевъ, у насъ не замѣчали того ложнаго положенія, въ которое становится государство, одной рукой поднимая знамя свободы, а другой рукой подавляющее это самое начало у себя. Тѣ самые люди, которые волновались за Болгаръ, не хотѣли слышать о полякахъ.« Такой образъ дѣйствій рядомъ съ травлей на иныя національности, поднимаемой самыми вліятельными органами печати никого не можетъ привлечь. Слѣдовательно Россія не можетъ дать опоры Славянамъ, и они вынуждены групироваться около Австріи.

Но съ другой стороны разноплеменная Австрія не имѣетъ прочности. »Однимъ ударомъ она была выбита изъ Италіи, однимъ ударомъ она была выбита изъ Германіи, которая направила ее на востокъ; но точно также однимъ ударомъ она можетъ лишиться своего вліянія на востокѣ — и тогда что отъ нее останется?« — Этотъ убійственный ударъ можетъ нанести Австріи только Россія въ соединеніи съ Пруссіей. Такимъ образомъ изъ разсужденій автора о Славянствѣ вытекаетъ недосказанная мысль о гибельномъ вліяніи Аксаковской неистово шовинистической Россіи на судьбу цѣлаго міра.

Во всякомъ случаѣ однимъ изъ главныхъ условій къ улучщенію международныхъ отношеній въ духѣ справедливости является возстановленіе Польши; но это принадлежитъ по мнѣнію автора къ »болѣе или менѣе отдаленному будущему«. И мысль эту онъ развиваетъ въ первыхъ главахъ своего труда, посвященныхъ вопросамъ происхожденія государствъ и територіальной политики. Въ слѣдующихъ главахъ, переходя къ политикѣ государственнаго устройства и законодательства, Чичеринъ оставляетъ гороскопъ будущаго, принимая во вниманіе только тотъ реальный фактъ, что въ настоящее время существуютъ народы образующіе сильныя государства и другіе лишенные политической самостоятельности, онъ разбираетъ, какова должна быть политика господствующихъ народовъ, относительно народовъ покоренныхъ, и по этому поводу подвергаетъ критикѣ отношеніе Россіи къ Польшѣ.*)

»Владычество надъ чужими народами есть не только право, но и высокая нравственная обязанность« — эта мысль составляетъ основу воззрѣній

*) См. стр. 342—355.

почтеннаго ученаго. »Власть,« говоритъ онъ, »установляется для блага подданныхъ, а въ числѣ этихъ благъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ привязанность ко всему родному. Она составляетъ одно изъ благороднѣйшихъ свойствъ человѣческой души, самую завѣтную ея святыню. Она выводитъ человѣка изъ погруженія въ матеріальные интересы и воспитываетъ въ немъ высшія нравственныя начала. На ней зиждется любовь къ отечеству, составляющая самую надежную опору государственнаго порядка.« По этому необходимо уважать это чувство въ каждомъ человѣкѣ. Чрезвычайно грустное явленіе представляетъ господствующая народность, стремящаяся раздавить и уничтожить народности ей подвластныя. »Когда же съ притѣсненіемъ другихъ,« прибавляетъ авторъ, имѣя въ виду мистическое свирѣпство Аксакова и его послѣдователей, »сочетается непомѣрное самохвальство, когда вдобавокъ высшею добродѣтелью угнетающей народности выставляется христіанское смиреніе, то подобный патріотизмъ составляетъ одно изъ самыхъ противныхъ и уродливыхъ явленій, какія можно встрѣтить въ общественной жизни. Русское общество нельзя отъ этого достаточно предостерегать «

Развивая подробно свою основную мысль, авторъ ставитъ на первомъ мѣстѣ необходимость религіозной терпимости. Это особенно важно въ отношеніи къ Польшѣ вслѣдствіе тѣсной связи, созданной вѣками между католицизмомъ и польскою народностью. »Всякія мѣры, направленныя противъ католицизма, могутъ только усилить зло, возбуждая негодованіе и ненависть къ притѣснителямъ.« Когда уніатамъ, волею и неволею обращеннымъ въ православіе, воспрещается прибѣгать для совершенія таинствъ къ католическимъ священникамъ, когда они за это по цѣлымъ годамъ томятся въ темницахъ, а ксендзы совершившіе требы согласно съ

прямою своею христіанскою обязанностью подвергаются наказаніямъ и удаленію; когда закрываются церкви, въ которыя стекается народъ для поклоненія святынѣ, когда католики стѣсняются въ пріобрѣтеніи земель, и даже въ поступленіи въ учебныя заведенія, когда вдобавокъ суровыя мѣры закона еще усиливаются и распространяются администраціей, поставившей себѣ цѣлью притѣсненіе значительной части населенія, то на подобную политику нельзя смотрѣть иначе какъ съ крайнымъ опасеніемъ« ... »Вмѣсто скрѣпленія связи этимъ посѣваются сѣмена глубокаго неудовольствія; въ подвластномъ населеніи возбуждаются злоба и вражда, которыя тѣмъ крѣпче вкореняются въ сердца, чѣмъ возвышеннѣе и благороднѣе оскорбляемыя чувства.«

»Послѣ вѣры,« продолжаетъ авторъ, »самое дорогое для человѣка — родной языкъ. По этому преподаваніе на чужомъ языкѣ ежеминутно и на каждомъ шагу напоминаетъ покоренной народности ея униженіе, неизсякаемая злоба наполняетъ сердца подвластныхъ, а владычествующее государство вмѣсто того, чтобы исполнять свое высокое призваніе, представляетъ собою одно голое право силы, попирающей всѣ истинно человѣческія чувства!« И это не можетъ принести ему никакой пользы. Еслибъ даже удалось вытѣснить языкъ порабощеннаго народа и заступить его государственнымъ, то отъ этаго сѣмена вражды нисколько не уменьшатся. Убѣдительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Ирландія.

Наконецъ, необходимо уважить историческія учрежденія подвластныхъ народностей. Государство имѣетъ тутъ двѣ дороги; оно можетъ или привязать высшіе слои общества, надѣляя ихъ правами и выгодами больше тѣхъ, которыхъ они лишились съ утратой независимости — или же привлечь низшіе классы, улучшая ихъ благосостояніе. Первое легче

и успѣшнѣе. Такимъ образомъ Польша ополячила нѣкогда русское дворянство западнаго края, въ прошломъ же столѣтіи Россія слила съ собой дворянъ малорусскихъ губерній. Поднятіе низшихъ классовъ ведетъ къ умаленію правъ высшаго слоя и возбуждаетъ его недовольство, если онъ не вознаграждается дарованіемъ правъ инаго рода. Неудовольствіе же класса обладающаго богатствомъ и образованіемъ невыгодно и въ трудныя минуты можетъ быть даже опасно для государства.

Результатъ своихъ размышленій авторъ предлагаетъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ: »Можно положить общимъ правиломъ, что если народъ хочетъ привязать къ себѣ подвластныя народности, онъ не только долженъ оказать имъ полную справедливость, но онъ долженъ стать выше ихъ, изливъ на нихъ новыя, невѣдомыя дотолѣ блага; тогда они охотно откажутся отъ своихъ особенностей и сольются въ высшемъ душевномъ единеніи.« Примѣръ такой высшей политики дала Франція въ отношеніи къ Эльзасу — Англія же въ отношеніи къ французской Канадѣ. Въ обоихъ случаяхъ довольно подробно разбираемыхъ авторомъ результатъ былъ блистательный. Какъ же печально представляются съ этой точки зрѣнія отношенія Россіи къ Польшѣ! Раздѣлъ Польши былъ преступленіемъ, лишеніе же »царства Польскаго« самостоятельнаго существованія и включеніе его въ составъ Русской Имперіи »нельзя не признать политической ошибкой«. Обрусеніе Польши есть несбыточная мечта Правда, что поляки не съумѣли оцѣнить благосклонности Александра I; они возстали въ 1831 и затѣмъ въ 1863 г., но »какъ ни противорѣчили эти возстанія здравой политикѣ, они были не болѣе какъ легкомысленными увлеченіями возбужденнаго патріотизма, т. е. такаго чувства, которое заслуживаетъ не осужденія, а похвалы«.

»Полное подавленіе польской народности ими не оправдывается.« »За подавленіемъ возстанія необходимо должна слѣдовать политика умиротворенія, безъ которой владычество одного народа надъ другимъ представляетъ только чистое а голое насиліе, вредное для самаго притѣснителя; внѣшній деспотизмъ неизбѣжно ведетъ и къ внутреннему.«

Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается основная идея научно-общественной дѣятельности Чичерина Въ нихъ рисуется его умственный и нравственный обликъ. Онъ — представитель умѣреннаго либерализма. Описывая въ своемъ сочиненію различныя формы правленія, основательно и безпристрастно обнаруживая ихъ качества и ихъ недостатки, онъ приходитъ къ заключенію. что въ отношеніи къ общественному благу, смѣшанныя формы суть самыя соотвѣтственныя, изъ нихъ же самой удовлетворительной представляется конституціонная монархія. Переходя къ Россіи, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ высказываетъ согласное съ этимъ взглядомъ глубокое и справедливое убѣжденіе, что благопріятное развитіе Россіи зависитъ отъ допущенія правительствомъ общества къ участью въ государственной жизни. Но онъ при томъ слишкомъ трезвъ, чтобы не сознавать, что осуществленіе этого идеала тѣсно связано съ политикой правительства на окраинахъ; поэтому умно и безпощадно осуждая нынѣшнюю руссификаціонную лихорадку, онъ руководится не только благородствомъ чувства, но и увѣренностью, что политика на окраинахъ непосредственно отражается на внутренней политикѣ и чѣмъ тяжелѣе гнетъ подвластныхъ народовъ, чѣмъ разнузданнѣе тамъ своеволіе чиновниковъ, однимъ словомъ, чѣмъ сильнѣе внѣшній деспотизмъ, тѣмъ наступательнѣе онъ распространяется и внутри Россіи, въ коренныхъ рус-

скихъ губерніяхъ, тѣмъ труднѣе становится борьба со всемогущей бюрократіей, тѣмъ дальше отодвигается политическое оздоровленіе государства.

Будучи оптимистомъ ,относительно отдаленнаго будущаго, Чичеринъ смотритъ мрачно на настоящее положеніе дѣлъ и не вѣритъ въ близкое торжество разума. Столѣтія абсолютизма наложили свое клеймо на Россію. »Чтобы быть придворнымъ,« приводитъ онъ слова Суворова, »нужны три вещи: дерзость, гибкость и вѣроломство.« Эта тройная зараза распространяется изъ Двора на цѣлый народъ, вмѣстѣ съ присущими ей мерзостями: съ ложью, лестью, угодничествомъ, пренебреженіемъ долга, праздностью, низкимъ честолюбіемъ. Чиновничество преимущественно разноситъ ее. Безъ бюрократіи немыслима неограниченная монархія. »Интересъ же бюрократіи состоитъ въ томъ, чтобы неограниченно господствовать въ административной сферѣ. Эта цѣль достигается тѣмъ, что обществу дается какъ можно менѣ способовъ дѣйствовать самостоятельно а отъ монарха скрывается истинное положеніе дѣлъ. Черезъ это все переходитъ въ руки чиновничества, самая воля монарха при видимомъ самовластіи становится отъ него въ зависимость. Сверху водворяется господство офиціальной лжи, а внизу царитъ полнѣйшій произволъ« ... Офиціальная ложь окружаетъ государя миражемъ »заслоняющимъ настоящее положеніе дѣлъ, истина прогоняется со срамомъ въ тотъ глубокій колодезь, куда помѣщало ее древнее преданіе!« ... Эта офиціальная ложь становиться господствующимъ явленіемъ общественной жизни, она проникаетъ всюду и все отравляетъ. Чѣмъ болѣе бюрократія получаетъ преобладающее значеніе, чѣмъ менѣе допускается свободный голосъ общества и самодѣятельность общественныхъ силъ, тѣмъ болѣе это зло становится глубокимъ и вопіющимъ. Въ государ-

ственной жизни образуются два противоположныхъ міра: »бумажный и дѣйствительный, которые не имѣютъ между собой ничего общаго.«

Это зло охватило Россію. Но кто ее спасетъ? Чичеринъ — рѣшительный врагъ всякихъ революціонныхъ переворотовъ; онъ не вѣритъ ни въ ихъ успѣшность, ни въ прочность ихъ побѣдъ, особенно въ Россіи. »Свободный союзъ правительственныхъ и общественныхъ силъ,« говоритъ онъ, »на почвѣ взаимнаго довѣрія долженъ быть знаменемъ всякаго образованнаго русскаго человѣка любящаго свое отечество; въ этомъ заключается вся будущность Россіи.« Но гдѣ найти такихъ людей? Нота пессимизма въ отношеніи къ настоящему времени звучитъ въ высказываемой авторомъ надеждѣ, что »въ нынѣшнюю реакціонную эпоху незамѣтно для взора слагаются зачатки новыхъ потребностей и взглядовъ, которые должны вести къ завершенію недавно воздвигнутаго общественнаго зданія«. Все бы перемѣнилось, сѣмена новой жизни расцвѣли бы въ душахъ русскихъ людей, еслибы во главѣ правительства сталъ человѣкъ добрый, умный и съ сильной волей. Эту мечту высказываетъ авторъ одинъ разъ, и то по поводу польскаго вопроса: »Ничто не ручается за то, что на русскомъ престолѣ не появится вновь государь подобно Александру I, одушевленный высокими чувствами справедливости и человѣколюбія, который захочетъ возвратить отечество раздавленному племени и залѣчить раны нанесенныя братоубійственной рознью; конечно, въ настоящее время это не болѣе какъ мечта.« Однако пусть помнятъ властвующіе народы, »что власть дана имъ не для притѣсненія, а для удовлетворенія справедливыхъ требованій подвластныхъ; забвеніе этой обязанности рано или поздно влечетъ за собой свое наказаніе; исторія имѣетъ свою Немезиду« ...

Этими прекрасными словами свидѣтельствующими о высокомъ умѣ и стремленіяхъ русскаго мыслителя я кончаю мои бѣглыя замѣчанія о его трудѣ. Въ нашъ вѣкъ »международнаго людоѣдства« такой патріотическій аскетизмъ могъбы пожалуй кому либо казаться недостаткомъ патріотизма. Между тѣмъ онъ именно происходитъ отъ глубокой и разумной любви къ отечеству, соединенной не только съ могучей жаждой правды и справедливости, не только съ живымъ чутьемъ нравственнаго идеала, долженствующаго руководить стремленіями какъ отдѣльныхъ личностей такъ и цѣлыхъ народовъ, но также съ глубокимъ убѣжденіемъ, что исполненіе этого идеала, составляя прямую обязанность Россіи равно какъ и всякаго другаго народа, является вмѣстѣ съ тѣмъ ея непосредственнымъ интересомъ, условіемъ ея благосостоянія и величія. Постараюсь подробнѣе объяснить эту мысль. Когда Прусскіе нѣмцы, видя, что въ предѣлахъ ихъ государства польское населеніе увеличивается быстрѣе нѣмецкаго, приходятъ отъ этого въ бѣшенство и повинуясь слѣпой и низменной злобѣ, напрягаютъ всѣ силы къ окончательному раздавленію и уничтоженію польской народности, то извинить имъ этаго нельзя, такъ какъ одна и таже нравственная истина обязываетъ всѣхъ, но можно признать существованіе смягчающихъ обстоятельствъ: Пруссія окружена врагами, съ одной стороны Франція, съ другой — Россія; вслѣдствіе этого быстрый ростъ чуждаго ей польскаго населенія можетъ ей предстaвляться опасностью, нравственный же идеалъ, истина, совѣсть — роскошью невозможной для государства окруженнаго врагами. Положеніе же Россіи — совершенно иное. Она слишкомъ велика и могущественна, чтобы опасаться внѣшнихъ и внутренныхъ враговъ; никакой ударъ не вышибетъ ея изъ занимаемаго ею

мѣста; наоборотъ, онъ скорѣе разбудитъ въ ней дремлющій запасъ силъ. Вѣдь неудачи крымской войны послужили началомъ спасительнымъ реформамъ Александра II; и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ дали толчокъ умственному и нравственному движенію полному жизни и вѣры въ свои неистощимыя силы. Однимъ словомъ, только одна Россія среди европейскихъ государствъ находится въ томъ неизмѣримо счастливомъ положеніи, что политическая нравственность не только не можетъ представляться ей предметомъ роскоши, но даже составляетъ ея жизненный интересъ. Даруя справедливость подвластнымъ народамъ, удовлетворяя ихъ законнымъ требованіямъ, расточая вокругъ себя счастіе, Россія не ослабитъ ни силъ своихъ ни своего значенія, какъ желаютъ ее увѣрить въ этомъ изверги ея духа изъ школы Каткова и Аксакова. Произойдетъ совершенно противоположное: нравственное обаяніе ея возрастетъ, она привлечетъ къ себѣ европейскіе народы и силою своего нравственнаго обаянія заставитъ другія государства идти по начертанному ею пути правды божьей; она окружитъ себя блескомъ христіанскаго идеала, о которомъ мечтали для нея лучшіе изъ ея сыновъ. Всѣ народы и всѣ люди будутъ ее благословлять! И еще разъ повторяю, это не есть неосуществимая мечта, но прямой интересъ, настоятельная потребность, которая сегодня, сейчасъ, безъ труда и усилія можетъ осуществиться, лишь бы только нашелся монархъ, одушевленный благими стремленіями и лишь бы окружилъ себя честными совѣтниками.

Какой чудный горизонтъ раскрывается передъ глазами любящихъ свое отечество русскихъ; какъ имъ могутъ завидовать другіе народы! И какъ не цѣнить высокій умъ и высокія чувства достойнѣйшаго изъ представителей русской науки — Бориса

Чичерина! Но, съ другой стороны, какъ глубокъ упадокъ русскаго общественнаго мнѣнія воспитаннаго въ гнилой атмосферѣ идей Каткова и Аксакова, если такой голосъ, какъ Чичерина, проходитъ въ Россіи почти незамѣченнымъ. Мы могли бы сосчитать на пальцахъ тѣхъ лучшихъ людей, которые стремясь, параллельно съ Чичеринымъ, къ идеалу всеобщей справедливости, стараются проводить его въ печати и въ литературѣ — и все это люди стараго поколѣнія. Чичеринъ самъ — семидесятилѣтній старикъ. Онъ воспитывался въ сороковыхъ годахъ, когда гуманные идеалы были лозунгомъ московской молодежи. Онъ былъ почти ровесникъ Каткова и Аксакова, могъ бороться съ ними въ сообществѣ умныхъ и честныхъ союзниковъ, между тѣмъ тѣ, которые выступаютъ нынѣ на поприще общественной и литературной дѣятельности, должны обладать значительной умственной и нравственной силой, чтобы стряхнуть съ себя убійственное вліяніе злыхъ геніевъ Россіи и вырваться изъ отравленной атмосферы, которую въ 80ыхъ годахъ создали и распространили »Московскія Вѣдомости« и »Русь«.

Въ виду этого, можемъ ли мы вѣрить вмѣстѣ съ Чичеринымъ въ тайное произрастаніе въ душахъ молодаго поколенія сѣмянъ лучшаго будущаго? Дай Богъ, чтобы такъ было. Но мы этого не видимъ — и до сихъ поръ ничего объ этомъ не знаемъ ...

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Катковъ и его біографъ 3
II. Катковъ и Иванъ Аксаковъ 16
III. Политика Александра III 38
IV. Б. Н Чичеринъ 51